

Развод с генералом

Месяц под его командованием

ВИАЛЕТА ВЕСНА

Виолетта Весна

**Развод с генералом. Месяц
под его командованием**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с генералом. Месяц под его командованием / В. Весна —
«Автор», 2026

Я пришла в суд, чтобы поставить точку. Три года я была женой генерала Мирослава Тарновского — человека, которого боялись подчиненные и которому верили все, кроме меня. Он умел спасать людей из огня, держать под контролем закрытый центр и отдавать приказы так, что никто не спорил. Но дома он молчал. Исчезал по ночам. Прятал звонки. И однажды я увидела рядом с ним женщину, после которой наш брак уже не смог стать прежним. Я подала на развод. Но в день первого заседания мое имя появилось в деле об утечке закрытых данных семей спасателей. Мою подпись нашли там, где ее не могло быть. Мой доступ использовали ночью. А мой развод превратили в удобный мотив: обиженная жена генерала решила отомстить. Чтобы доказать невиновность, мне пришлось вернуться в его мир. В закрытый центр «Каскад». На месяц. Под его командованием.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Заявление на развод	5
ГЛАВА 1. Почти бывшая жена генерала	11
ГЛАВА 2. Пропуск с его подписью	23
ГЛАВА 3. Правила генерала	38
ГЛАВА 4. Женщина, из-за которой я ушла	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виолетта Весна

Развод с генералом. Месяц под его командованием

ПРОЛОГ. Заявление на развод

Кольцо я сняла утром.

Не в суде, не перед Мирославом, не ради красивого жеста. Просто стояла в ванной, смотрела на свою руку и вдруг поняла, что больше не могу носить на пальце знак брака, которого почти не осталось.

След от кольца был светлее кожи.

Я провела по нему большим пальцем и быстро опустила руку.

Глупо было плакать из-за полоски на пальце, когда я сама подала заявление. Сама собрала документы. Сама поставила подпись. Сама сказала Ренате, что назад не поверну.

Она тогда долго смотрела на меня через стол и спросила:

— Ты уверена?

Я ответила:

— Да.

И впервые за много месяцев не соврала.

У здания суда было холодно. Ревельск с утра тянул с залива влажным ветром, и серое небо висело низко, будто город не проснулся до конца. Я приехала на двадцать минут раньше, хотя всю ночь почти не спала.

Это было похоже на меня прежнюю: прийти заранее, все проверить, держаться ровно.

Жена генерала не опаздывает.

Я усмехнулась этой мысли и сразу перестала.

Я больше не хотела быть женой генерала.

В коридоре пахло мокрой одеждой, бумагой и дешевым кофе из автомата. Люди сидели вдоль стен, говорили тихо, смотрели в телефоны. Кто-то разводился, кто-то делил имущество, кто-то ждал решения по чужой боли и делал вид, что это обычное утро.

Рената Сомова стояла у окна с папкой в руках. Темное пальто, собранные волосы, спокойное лицо. Мой адвокат и единственный человек, который не пытался убедить меня сохранить брак ради приличия.

— Нормально? — спросила она.

— Да.

— Таисия.

Я посмотрела на нее.

Рената не улыбалась.

— Не надо отвечать мне как клиент. Ответь как подруга.

Я медленно вдохнула.

— Я выдержу.

Она кивнула. Не стала жалеть, обнимать, говорить, что все пройдет. За это я ее и любила.

Дверь в конце коридора открылась.

Я поняла, что это он, еще до того как повернула голову. Не по шагам. Не по голосу. Просто пространство вокруг как будто стало тише.

Мирослав Тарновский вошел в коридор суда так, будто и здесь все обязаны были держать строй.

Форма сидела на нем безупречно. Темная, строгая, с погонами, которые я когда-то трогала пальцами в нашем доме, смеясь над тем, что даже ткань на нем выглядит дисциплинированной. Сейчас мне было не смешно.

Он остановился в нескольких шагах от меня.

Высокий. Собранный. Спокойный.

Слишком спокойный для мужчины, с которым разводилась жена.

— Таисия, — сказал он.

Только имя. Низко, ровно, без вопроса.

Я заставила себя не отвести взгляд.

— Мирослав.

Больше между нами ничего не поместилось.

Ни три года брака. Ни ночи, когда я ждала его до утра и слушала короткие гудки в трубке. Ни чужая сережка, найденная в его машине. Ни женщина у ведомственного дома, которую он посадил на заднее сиденье и даже не попытался мне объяснить.

Ни его фраза: «Не сейчас».

У нас всегда было «не сейчас».

Не сейчас, Таисия. Потом. Я не могу говорить. Это закрыто. Это не касается тебя.

А потом я однажды поняла: в его жизни меня тоже сделали закрытой темой.

Секретарь вызвала нас в зал.

Рената шагнула рядом со мной. Мирослав пошел чуть позади. Я чувствовала его присутствие спиной и злилась на себя за это. Даже теперь, когда все было решено, мое тело помнило его слишком хорошо: его тишину, его силу, его привычку быть рядом так, будто он контролирует любую опасность.

Только меня он не защитил.

В зале было светло и тесно. Судья листала документы, не поднимая глаз. Мы сели по разные стороны. Между нами оказался стол, несколько метров пола и три года, которые не смогли пережить молчание.

— Ордынцева Таисия Романовна, вы настаиваете на расторжении брака? — спросила судья.

Я думала, голос дрогнет.

Не дрогнул.

— Да. Настаиваю.

Рената едва заметно положила ладонь на край моей папки. Не на мою руку. Просто рядом. Чтобы я знала: она здесь.

Судья перевела взгляд на Мирослава.

— Тарновский Мирослав Аркадьевич, ваша позиция?

Он не сразу ответил.

Я не смотрела на него, но чувствовала эту паузу так остро, будто она касалась кожи.

Скажи, что согласен.

Скажи, что все закончилось.

Сделай хотя бы это просто.

— Я не согласен на расторжение брака в сегодняшнем заседании, — произнес Мирослав.

Внутри меня что-то холодно сжалось.

Конечно.

Даже здесь.

Даже сейчас он решил не отпустить сразу.

Я повернула голову и посмотрела на него. Он сидел прямо, руки спокойно лежали на столе. Лицо выдержанное, почти каменное. Только взгляд был тяжелым. Не злым. Не жестоким. Но таким, от которого становилось трудно дышать.

— На каком основании? — спросила судья.

— Считаю возможным примирение.

Я тихо усмехнулась.

Судья подняла на меня глаза.

— Ордынцева, порядок в зале.

— Простите.

Примирение.

Какое удобное слово.

Им можно прикрыть годы молчания, пропавшие ночи, чужие тайны, холодные завтраки за одним столом, где муж читает служебные сообщения, а жена делает вид, что не замечает, как он переворачивает телефон экраном вниз.

Судья что-то уточняла. Рената отвечала спокойно и юридически точно. Мирослав говорил мало. Я слышала отдельные фразы: «срок», «позиция сторон», «семейные отношения», «возможность сохранения брака».

Сохранения.

Я едва не сказала вслух, что нельзя сохранить то, что один человек годами держал под замком, а второй устал стучать.

— Суд считает возможным предоставить сторонам срок для примирения, — сказала судья. — Один месяц.

Я закрыла глаза на секунду.

Месяц.

Еще тридцать дней быть его женой на бумаге.

Еще тридцать дней носить фамилию, которую я не взяла, потому что Мирослав тогда сказал: «Мне важно, чтобы ты оставалась собой». Я тогда решила, что это любовь.

Теперь я понимала: иногда мужчина оставляет тебе фамилию, но забирает право знать правду.

Заседание закончилось быстро.

Слишком быстро для трех лет.

В коридоре Рената сразу открыла папку.

— Мы можем подать возражение на срок, но, честно, месяц — не худший вариант. Суд мог дать больше.

— Он знал, — сказала я.

— Что?

Я посмотрела на Мирослава.

Он стоял у окна, говорил с кем-то по телефону коротко и тихо. На нас не смотрел, но я знала: контролирует каждое движение.

— Знал, что так будет.

Рената убрала документы.

— Таисия, он не мог гарантировать решение судьи.

— Но мог попробовать.

И попробовал.

Я пошла к выходу, не дожидаясь его. Мне нужно было на воздух. Пусть холодный, пусть сырой, пусть с запахом мокрого камня и машин, зато не этот коридор, где мое будущее отложили на месяц чужим спокойным голосом.

На ступенях суда меня догнал Мирослав.

— Таисия.

Я остановилась, но не повернулась сразу.

— Ты получил свой месяц. Что еще?

Он спустился на одну ступень ниже и оказался рядом, но не слишком близко. Раньше он всегда чувствовал границы моего тела. Даже когда нарушал все остальные.

— Через месяц я подпишу все, если ты не изменишь решения.

Я повернулась.

— Великодушно.

Он принял удар молча.

Это тоже было в нем невыносимо. Другой мужчина начал бы спорить, оправдываться, злиться. Мирослав стоял спокойно, и от этого моя злость не находила выхода.

— Я не хотел, чтобы это выглядело как давление, — сказал он.

— Тогда не надо было просить срок.

— Мне нужен месяц.

— Тебе? — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Это мой развод, Мирослав. Не операция. Не приказ. Не служебный план. Я не одна из твоих людей в «Каскаде».

В его взгляде что-то изменилось. Совсем немного. Если бы я не знала его так близко, не заметила бы.

— Я помню.

— Нет. Не помнишь. Иначе не пытался бы снова решать за меня.

Он молчал.

Ветер тронул полы его шинели. Серая прядь у виска стала заметнее, чем раньше. Я вдруг увидела не генерала, не начальника закрытого центра, не мужчину, которого боялись подчиненные. Увидела мужа, с которым когда-то засыпала, положив ладонь ему на грудь.

И почти сразу заставила себя отвернуться.

Слабость нельзя путать с любовью.

— Не уезжай из Ревельска, — сказал он.

Я резко посмотрела на него.

— Это уже приказ?

— Просьба.

— Ты плохо умеешь просить.

— Знаю.

Это сбило меня на секунду.

Раньше Мирослав не признавал таких вещей. Он вообще редко признавал то, что касалось нас. Службу, ошибки в расчетах, риски операции — да. Наш брак — никогда.

Я поправила ремень сумки на плече.

— У меня нет причин оставаться.

— Скоро появятся.

Холод прошел по спине не от ветра.

— Что это значит?

Мирослав посмотрел в сторону дороги. Черный служебный автомобиль стоял у тротуара. Водитель не выходил, но я заметила его взгляд в зеркале.

— Я не могу говорить здесь.

Я почти рассмеялась.

— Конечно. Любимая фраза нашего брака.

Он сжал челюсть.

И тут за моей спиной быстро застучали каблуки.

— Таисия, — позвала Рената.

Я обернулась.

Она шла к нам с телефоном в руке. Лицо у нее оставалось спокойным, но я знала Ренату слишком хорошо. Если она так держала губы, значит, дело было плохое.

— Что? — спросила я.

Она протянула мне телефон.

На экране была новостная лента. Заголовок я прочитала не сразу. Буквы будто собрались в слова с задержкой.

«Закрытые данные семей спасателей оказались в сети. Источник утечки связан с программой психологической помощи».

Ниже — мое имя.

Таисия Ордынцева.

Я перечитала еще раз. Потом еще.

В статье говорилось, что утечка могла идти через благотворительную программу сопровождения семей сотрудников федерального спасательного корпуса. Через программу, которую я создавала два года. Через людей, которые доверяли мне свою боль, страхи, диагнозы, семейные истории.

Мирослав взял телефон из моей руки.

Я не сразу поняла, что пальцы у меня разжались сами.

Он прочитал быстро. Его лицо не изменилось, но воздух вокруг стал другим. Не тише — жестче.

— Когда вышло? — спросил он у Ренаты.

— Семь минут назад.

— Источник?

— Пока перепечатки. Первый слив идет с анонимного канала.

Я смотрела на них обоих и не могла вдохнуть до конца.

— Почему там мое имя?

Рената ответила не сразу.

И этого хватило.

Я сама все поняла.

Меня не просто упомянули. Меня поставили в центр. Сделали лицом утечки. Женщиной, которая имела доступ к данным, была связана с семьями спасателей и сегодня утром пришла разводиться с генералом, начальником закрытого центра.

Идеальная история.

Обиженная жена.

Мсть.

Скандал.

Мирослав вернул телефон Ренате и посмотрел на меня.

— Поедешь со мной.

Вот он.

Голос генерала.

Низкий. Спокойный. Не терпящий паники.

Еще вчера этот голос мог заставить меня замолчать. Сегодня — нет.

— Нет, — сказала я.

— Таисия.

— Я сказала нет.

Он сделал шаг ближе, но остановился сразу, как только я подняла руку.

— Не командуй мной. Особенно сегодня.

На его лице не было злости. Только то самое тяжелое спокойствие, за которым всегда скрывалась опасность.

— Это связано с «Каскадом», — сказал он. — Если твое имя уже вывели в открытый доступ, дальше будет хуже. Тебя начнут проверять. Жестко.

— Меня уже проверяли три года, Мирослав. На терпение.

— Сейчас не время для этого разговора.

— Для наших разговоров никогда не было времени.

Рената тихо произнесла:

— Таисия, формально он прав. Если это закрытые данные, дело будет не обычным.

Я посмотрела на нее.

— Ты тоже предлагаешь мне ехать с ним?

— Я предлагаю тебе не оставаться одной.

Это было хуже.

Потому что Рената никогда не драматизировала.

Мирослав достал из внутреннего кармана телефон и набрал короткий номер.

— Тарновский. Поднимите первичный отчет по внешнему сливу. Да. Немедленно. И проверьте все доступы Ордынцевой за последние сорок восемь часов.

Я резко повернулась к нему.

— Мои доступы?

Он убрал телефон.

— Если тебя подставили, след уже есть.

— А если нет?

Впервые за все утро его голос стал ниже.

— Тогда я найду того, кто решил сделать тебя виновной.

Я хотела сказать, что не верю ему. Что больше не нуждаюсь в его защите. Что месяц, который он получил в суде, ничего не изменит.

Но на экране телефона Ренаты все еще горело мое имя.

Таисия Ордынцева.

Не жена генерала.

Подозреваемая.

Я медленно выдохнула и посмотрела на Мирослава.

— Я поеду не с тобой.

Он ждал.

— Я поеду с адвокатом. А ты перестанешь говорить со мной приказами.

Мирослав молчал несколько секунд.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Простое слово.

Но я слишком хорошо знала этого мужчину, чтобы не понять: для него оно стоило больше, чем длинные обещания.

Рената уже вызвала машину. Мирослав стоял рядом, не касаясь меня, но я чувствовала его присутствие так остро, будто между нами снова натянули невидимую линию.

Месяц назад я еще пыталась спасти наш брак.

Сегодня утром я пришла его закончить.

А теперь кто-то чужой сделал так, что мой развод с генералом перестал быть личным делом.

И я вдруг поняла главное: Мирослав просил месяц не для примирения.

Он уже знал, что прошлое возвращается.

Просто, как всегда, не сказал мне правду.

ГЛАВА 1. Почти бывшая жена генерала

В машине Ренаты было сухо, тепло и слишком тихо.

Я сидела рядом с ней на заднем сиденье, держала телефон в руках и смотрела на новость, которую уже успели перепечатать несколько каналов. Заголовки менялись, смысл оставался прежним: закрытые данные семей спасателей попали в сеть, источник утечки связан с программой психологической помощи, руководитель программы — Таисия Ордынцева.

Мое имя стояло в каждом втором абзаце.

Чем дольше я читала, тем меньше это было похоже на ошибку.

— Не листай больше, — сказала Рената.

Я не сразу подняла голову.

— Почему?

— Потому что там будет одно и то же. Сначала анонимный канал, потом перепечатки, потом комментарии людей, которые ничего не знают, но уже все решили.

Она говорила ровно. Без раздражения, без паники. За это я держалась сильнее, чем за телефон.

— Мне надо понимать, что они пишут.

— Тебе надо понимать, что они могут доказать. Это не одно и то же.

Я закрыла публикацию, но экран не погасила. Собственное имя все равно осталось перед глазами.

Так бывает, когда слово ударяет не сразу, а через несколько секунд. Сначала ты видишь буквы. Потом понимаешь смысл. Потом вдруг осознаешь, что это уже не просто текст. Это чья-то рука на твоём горле.

— Там написано, что доступ был через нашу программу, — сказала я. — Это невозможно.

Рената повернула ко мне голову.

— Объясни.

— Мы не храним полные медицинские карты. У нас согласия, первичные анкеты, кризисные обращения, расписания консультаций, внутренние заметки специалистов. Но закрытые служебные данные спасателей к нам не поступали. Тем более списки операций.

— А семьи?

— Семьи — да. Но не в таком виде. Не с привязкой к операциям, не с кодами доступа, не с внутренними отметками корпуса.

— Значит, кто-то склеил два массива данных.

Я посмотрела на нее.

— Что?

— Взял информацию из вашей программы и соединил с тем, что мог получить только внутри ведомства. А потом сделал вид, будто все вышло через тебя.

Я сжала телефон.

— Это не догадка?

— Пока нет. Пока это рабочая версия.

Рената всегда выбирала слова точно. Не обещала раньше времени. Не утешала, если для утешения не было оснований.

Машина остановилась на светофоре. За окном потянулись серые фасады Ревельска, мокрые окна первых этажей, люди под темными зонтами. Утро продолжалось как ни в чем не бывало. В городе открывались кофейни, автобусы останавливались у тротуаров, кто-то спешил на работу.

А я за последний час успела почти развестись, не развестись и стать подозреваемой.

— Куда мы едем? — спросила я.

— Ко мне в офис.

— Нет.

Рената не удивилась.

— Таисия.

— Мне надо в программу. Если офис опечатают, я должна увидеть это сама. Если нет, мы заберем документы.

— Какие именно?

— Журналы согласий. Списки консультантов. Расписание доступов. Все, что покажет: у нас не было того объема данных, который слили.

— Если там уже работают проверяющие, тебя могут не пустить.

— Значит, зафиксируем отказ.

Она смотрела на меня несколько секунд.

— Ты понимаешь, что сейчас любая твоя резкость будет использована против тебя?

Я почти улыбнулась.

— Это ты как адвокат?

— Как подруга, которой не хочется вытаскивать тебя из очередного пожара.

— Я не собираюсь устраивать пожар.

— Ты пять минут назад спорила с генерал-майором на ступенях суда.

— Это был мой муж.

— Почти бывший муж, — поправила Рената. — И человек, который сейчас понимает масштаб происходящего лучше нас.

Я отвернулась к окну.

Мирослав ехал где-то следом или впереди. Я не знала и не хотела знать. После суда его служебная машина осталась у тротуара, когда мы уезжали. Он не остановил меня, не приказал пересесть, не взял за локоть. Просто смотрел так, будто уже просчитал несколько вариантов развития событий.

Когда-то это успокаивало.

Теперь выводило из себя.

— Он что-то знал, — сказала я.

Рената убрала телефон в сумку.

— Возможно.

— Не возможно. Знал. В суде он сказал, что ему нужен месяц. Не попросил. Не объяснил. Просто сделал так, чтобы месяц появился.

— Ты считаешь, он связан со сливом?

— Нет.

Ответ вырвался слишком быстро.

Рената заметила. Конечно, заметила.

— Интересно.

— Не начинай.

— Я и не начинала. Просто отметила, что ты только что без колебаний исключила его из списка подозреваемых.

— Мирослав не стал бы подставлять меня.

— Потому что любит?

Я резко посмотрела на нее.

Рената выдержала мой взгляд спокойно.

— Потому что он не мелкий, — сказала я после паузы. — Не такой.

— Это разные вещи.

— Я знаю.

И знала правда.

Мирослав мог молчать так, что рядом с ним становилось холодно. Мог закрыть передо мной дверь в часть своей жизни и сказать: «Не сейчас». Мог смотреть прямо в глаза и не отвечать на вопрос, от которого у меня внутри все рвалось.

Но подлость была не про него.

Именно это злило сильнее. Если бы он был просто плохим мужем, уйти было бы легче.

Машина свернула к невысокому зданию на пересечении Лоцманской и Северного проспекта. Здесь размещался городской координационный офис нашей программы. Не ведомственный объект, не закрытая территория. Обычный деловой центр с охраной, стеклянными дверями и небольшим кафе на первом этаже.

Я сама выбрала это место два года назад.

Мне тогда казалось важным, чтобы семьи спасателей приходили не в казенное здание с пропусками и турникетами, а в нормальное пространство, где можно сесть в кресло, выпить воды и не чувствовать себя частью отчета.

У входа стояли двое мужчин в темных куртках.

Рената заметила их раньше меня.

— Не выходи сразу.

— Это кто?

— Сейчас узнаем.

Но я уже открыла дверь.

Один из мужчин повернулся. Короткая стрижка, служебное удостоверение в руке, лицо человека, которому дали распоряжение и не дали права думать.

— Ордынцев Таисия Романовна?

Я остановилась на тротуаре.

— Да.

— Проход в помещение временно ограничен.

Рената вышла следом.

— На каком основании?

Мужчина посмотрел на нее.

— Вы кто?

— Адвокат Ордынцевой. Основание ограничения?

Он показал удостоверение слишком быстро, словно мы должны были испугаться самого жеста.

Рената не испугалась.

— Медленнее, пожалуйста. Я должна видеть фамилию.

Он поморщился, но повторил.

— Старший инспектор Кулагин. В рамках проверки по факту распространения сведений ограниченного доступа.

— Постановление?

— На месте.

— Покажите.

— Документы у руководителя группы.

— Где руководитель группы?

Кулагин сжал губы.

Я смотрела мимо него — на окна третьего этажа, где находился мой кабинет. В одном из окон горел свет. Значит, внутри кто-то был.

— Там мои сотрудники? — спросила я.

— Персонал временно выведен.

— Кто находится в офисе?

— Проверяющие.

— Из какого подразделения?

— Я не уполномочен.

— Зато я уполномочена отвечать за персональные данные людей, которые обращались в эту программу, — сказала я. — Я должна знать, кто сейчас находится в помещении и с какими документами работает.

Кулагин взглянул на Ренату, явно надеясь, что она остановит меня.

Она не стала.

— Моя доверительница задала разумный вопрос, — произнесла она. — Ответьте.

— Все действия проводятся в установленном порядке.

Я почти физически почувствовала, как внутри поднимается злость.

Эта фраза была удобной. Ей можно было закрыть любую дверь, любую ошибку, любую чужую жизнь. В установленном порядке. Согласно процедуре. В интересах проверки.

В нашем браке тоже многое происходило в установленном порядке.

Мирослав уходил ночью — по служебной необходимости.

Не отвечал — по закрытому каналу.

Молчал — потому что не имел права говорить.

И я каждый раз оставалась за дверью.

— Я хочу забрать личные вещи, — сказала я.

— Невозможно.

— Там мой ноутбук.

— Изъят.

Рената шагнула вперед.

— Протокол изъятия.

— У руководителя группы.

— Которого здесь нет.

Кулагин начал раздражаться.

— Женщины, не усложняйте.

Я медленно повернула к нему голову.

— Что?

Он понял, что сказал лишнее, но было поздно.

— Я имел в виду...

— Нет, — перебила я. — Вы имели в виду именно это. Две женщины мешают вам стоять у двери и не отвечать на вопросы.

— Таисия, — негромко сказала Рената.

Я остановилась.

Не потому что он был прав. Потому что она была права. Любая резкость сейчас могла стать еще одной строчкой в чужом рапорте.

Я достала телефон.

— Я фиксирую отказ в допуске руководителю программы в помещение, где находятся документы подопечных, личные вещи сотрудников и техника, содержащая рабочие материалы.

Кулагин сразу изменился в лице.

— Съемка запрещена.

— Я снимаю себя и свой вопрос. Вас в кадре нет.

— Уберите телефон.

— Назовите руководителя группы.

Он сделал шаг ко мне.

И в этот момент за моей спиной остановилась машина.

Не такси.

Не случайная.

Я поняла это еще до того, как обернулась.

Дверь открылась. На тротуар вышел Мирослав.

Без спешки. Без суеты. В форме, поверх которой была темная шинель. Он не повысил голос, не сделал резкого движения, но оба мужчины у входа сразу выпрямились.

Вот что такое власть, подумала я с неприятной ясностью.

Не крик. Не грубость. Даже не звание на погонах. А мгновенная перемена в людях, когда они понимают, кто вошел в пространство.

— Кто старший? — спросил Мирослав.

Кулагин ответил почти сразу:

— Подполковник Селиванов, товарищ генерал-майор. Он внутри.

— Вызовите.

— Есть.

Только что мне не могли назвать руководителя группы. Мирославу хватило двух слов.

Я медленно убрала телефон в карман.

Он подошел не ко мне, а к Ренате.

— Сомова?

— Да.

— Тарновский. Мы с вами говорили по телефону два года назад, когда утверждали юридический блок программы.

— Помню, — сухо сказала Рената. — Тогда вы были вежливее.

Взгляд Мирослава на секунду стал почти живым.

— Не исключено.

— Исключено. Тогда вы хотели, чтобы программа заработала. Сейчас вы хотите, чтобы моя доверительница поехала с вами.

— Сейчас я хочу, чтобы ее не сделали крайней до вечера.

Я не выдержала.

— Вы можете говорить обо мне не так, будто меня здесь нет?

Мирослав посмотрел на меня.

— Могу.

— Отлично. Начните.

Кулагин у двери сделал вид, что изучает стену. Второй мужчина даже отвернулся.

Рената не скрывала интереса.

Мирослав произнес:

— Твой офис уже прошел первичный осмотр. Изъяты рабочие компьютеры, серверная копия переписки, журналы доступа, договоры с консультантами и часть бумажного архива.

У меня похолодели пальцы.

— На каком основании?

— Проверка по факту утечки сведений ограниченного доступа.

— Это не ответ.

— Постановление оформлено через управление внутренней безопасности корпуса.

— Через «Каскад»?

— Через контур, связанный с ним.

Я усмехнулась.

— Как удобно. Мой почти бывший муж начальник «Каскада», мой офис обыскивают по линии, связанной с «Каскадом», а меня об этом уведомляют на тротуаре.

— Я приехал не уведомлять.

— А командовать?

Он замолчал на полсекунды. Раньше я бы решила, что он сдерживает раздражение. Сейчас увидела другое: он выбирает слова. Осторожно, непривычно для себя.

— Предупредить, — сказал он. — И предложить способ не потерять контроль над ситуацией.

— Контроль уже у вас.

— Нет.

Слово прозвучало резко. Не громко, но так, что рядом стало тише.

Мирослав посмотрел на окна моего офиса.

— Если бы контроль был у меня, сюда не пришли бы без твоего адвоката и без уведомления руководителя программы. Твое имя не появилось бы в анонимном канале через семь минут после суда. И твой цифровой след не оказался бы там, где его не должно быть.

Я забыла, что хотела сказать.

— Какой цифровой след?

Рената сразу вмешалась:

— Подождите. Любые сведения, касающиеся доказательств против моей доверительницы, вы передаете официально.

— Передам, — сказал Мирослав. — Но ей нужно знать масштаб уже сейчас.

— Говорите.

Он перевел взгляд на меня.

— Предварительно: в ночь перед публикацией был зафиксирован доступ к закрытому сегменту базы сопровождения семей. Идентификатор входа связан с твоей программой.

— У нас нет доступа к закрытому сегменту.

— У тебя лично был временный согласованный доступ для сверки протоколов помощи после аварии на северном полигоне.

Я вспомнила не сразу.

Потом все-таки вспомнила: три месяца назад, срочная встреча, две семьи после операции, запрос на психологическое сопровождение, список без деталей, только фамилии и статусы. Я подписывала получение ограниченного доступа на сорок восемь часов. Доступ закрыли в тот же день.

— Он был разовый, — сказала я. — Его деактивировали.

— В системе он снова активен.

— Я этого не делала.

— Знаю.

Слишком быстро.

Я вскинула глаза.

— Откуда?

Мирослав не ответил сразу.

Вместо него из здания вышел мужчина лет пятидесяти в сером пальто. Лицо усталое, но цепкое. Он поздоровался с Мирославом по всей форме, затем коротко кивнул Ренате и мне.

— Подполковник Селиванов, — представился он. — Веду первичную группу.

Рената шагнула вперед.

— Адвокат Сомова. Прошу предоставить протоколы изъятия и основания ограничения доступа.

— Разумеется.

Он сказал это так, будто мы просто обсуждали расписание приема.

Я смотрела на него и понимала: чем вежливее говорят люди в таких ситуациях, тем больше бумаги уже подготовлено против тебя.

Селиванов достал папку.

— Ордынцева Таисия Романовна, вы можете получить копии документов после завершения текущих действий.

— Я могу войти в кабинет?

— Нет.

— Забрать личные вещи?

— После описи.

— Присутствовать при описи?

Он сделал паузу.

— В данный момент нежелательно.

— Нежелательно для кого?

Селиванов посмотрел на Мирослава. Тот молчал.

Я почувствовала странное удовлетворение: впервые никто не мог спрятаться за его немедленным приказом. Он стоял рядом и не закрывал мне рот, хотя наверняка хотел, чтобы я не говорила лишнего.

— Для чистоты процедуры, — сказал Селиванов.

Рената мягко улыбнулась.

— Прекрасно. Тогда зафиксируйте в протоколе, что руководителю программы и ее адвокату отказано в присутствии при описи имущества и документов.

Селиванов улыбку не вернул.

— Мы действуем в рамках закона.

— Тогда вам не составит труда это записать.

Мирослав впервые за несколько минут сказал:

— Запишите.

Селиванов повернулся к нему.

— Товарищ генерал-майор...

— Запишите, — повторил Мирослав. — Сомова права.

Я посмотрела на него.

Он не встретил мой взгляд. Смотрел на подполковника, и в этом взгляде уже не было мужа. Только начальник, который не позволял подчиненным прятать неудобную часть процедуры.

Селиванов сдержанно кивнул.

— Будет сделано.

Мне должны были дать удовлетворение. Хоть маленькое. Но внутри стало только тяжелее. Потому что я вдруг поняла: если бы Мирослав захотел, он мог бы сделать это сразу. Мог бы два года назад сказать: «Таисия, я не могу рассказать все, но ты не сходишь с ума. Ты видишь не измену. Ты видишь дело, которое опасно для нас обоих».

Мог.

Не сказал.

— Нам здесь больше нечего делать, — произнесла Рената.

— Есть, — возразил Мирослав.

Я устало посмотрела на него.

— Что еще?

— Тебе нужно подписать заявление о предоставлении официального доступа к проверке.

Я даже не сразу поняла смысл.

— Нет.

— Выслушай.

— Я устала выслушивать фразы, которые начинаются как приказ.

Он сделал вдох. Медленный. Сдержанный.

— Таисия, если ты останешься снаружи, у тебя будет только то, что сочтут нужным показать твоему адвокату. Если войдешь в процесс официально, сможешь видеть часть материалов, давать пояснения сразу, сверять данные программы и фиксировать несоответствия.

— А если я войду в процесс через тебя, потом все скажут, что генерал спасает жену.

— Скажут.

Прямой ответ сбил сильнее, чем оправдание.

— И тебя это устраивает?

— Нет. Но меня меньше волнует, что скажут, чем то, что с тобой сделают.

Я отвернулась.

Слишком просто было бы поверить этой фразе. Слишком опасно.

Рената спросила:

— На каком основании ей дадут доступ, если она потенциально подозреваемая?

— Как руководителю программы, чьи данные фигурируют в деле. И как лицу, которое может дать пояснения по структуре доступа.

— Под чьим контролем?

Мирослав посмотрел на нее.

— Моим.

Я засмеялась коротко и без радости.

— Конечно.

Он повернулся ко мне.

— Другой вариант — Долгов.

— Кто это?

— Мой заместитель по внутренней безопасности.

— И почему не он?

— Потому что заявка на первичный осмотр твоего офиса прошла через его контур за час до публикации.

Рената замерла.

— Вы считаете своего заместителя причастным?

— Я считаю странным, что он начал проверку до официального распространения новости.

— Это можно доказать?

— Внутренними журналами.

— У вас есть к ним доступ?

— Пока есть.

Я услышала это «пока» и наконец поняла, что Мирослав приехал сюда не потому, что хотел вернуть жену в привычный круг.

Он сам стоял на границе.

И все равно не говорил всего.

— Почему ты не сказал это сразу у суда? — спросила я.

— На улице были люди.

— А сейчас нет?

— Сейчас я понимаю, кто именно нас слушает.

Он даже не посмотрел на мужчин у входа, но оба явно слышали.

Рената закрыла папку.

— Условия.

Мирослав кивнул.

— Ордынцева получает временный допуск к материалам внутренней проверки, связанным с ее программой и цифровыми следами. Передвижение по «Каскаду» только по согласо-

ванным зонам. Документы не выносятся. Копии — через официальный запрос. Все разговоры со свидетелями — в присутствии адвоката или сотрудника, не связанного с Долговым.

— Последнее вы сможете обеспечить? — спросила Рената.

— Да.

— Где она будет находиться?

— Сегодня — в административном корпусе. Дальше посмотрим по угрозам.

Я резко повернулась.

— По каким угрозам?

Мирослав посмотрел прямо на меня.

— Тот, кто вывел твое имя в сеть, рассчитывает на быструю реакцию. Паника, ошибки, публичные заявления, конфликт со мной. Чем больше ты будешь выглядеть обиженной женой, тем удобнее будет версия мести.

— Значит, теперь мне нельзя злиться?

— Можно. Нельзя давать им пользоваться твоей злостью.

Эта фраза была слишком точной.

Я ненавидела, когда он говорил точно.

— А ты? — спросила я. — Ты чем будешь пользоваться?

— Ничем, если смогу.

— Не похоже на тебя.

Он принял и это.

— Знаю.

Селиванов стоял в стороне, но я видела, что он слушает. Кулагин больше не пытался казаться главным.

Я вдруг ясно ощутила, что мой день распался на две части. До новости я была женщиной, которая пришла закончить брак. После новости стала частью чужой схемы, где даже мой развод превратили в мотив.

— Мне нужно пять минут с адвокатом, — сказала я.

Мирослав кивнул.

— Машина будет у входа.

— Я поеду на машине Ренаты.

— Хорошо.

Опять это слово.

Тихое, сдержанное, почти непривычное от него. Мирослав Тарновский умел отдавать распоряжения десяткам людей, но согласие давалось ему так, будто он учился заново.

Мы с Ренатой отошли к краю тротуара. Ветер стал сильнее, я застегнула пальто, хотя раньше не чувствовала холода.

— Говори, — сказала я.

— Юридически предложение рискованное, но полезное.

— Прекрасно. Люблю, когда рискованное и полезное идут вместе.

— Без доступа мы будем ждать копий, а копии нам дадут поздно, неполно или так, как им выгодно. С доступом мы увидим хотя бы часть картины.

— Под контролем Мирослава.

— Да.

— Тебя это не смущает?

Рената посмотрела на него через мое плечо.

— Как адвоката — нет. Как твою подругу — раздражает.

— Почему?

— Потому что рядом с ним ты либо нападаешь, либо защищаешься. И в обоих случаях думаешь хуже, чем умеешь.

Я хотела возразить.

Не смогла.

— Он не должен решать за меня, — сказала я тише.

— Согласна. Поэтому сейчас решаешь ты.

Я посмотрела на окна своего офиса.

За этими стеклами были не просто папки. Там были люди, которые приходили ко мне после звонков из больниц. Жены, которым сообщали, что муж не выйдет на связь еще сутки. Матери, которые стыдились признаться, что боятся за взрослых сыновей. Дети, рисовавшие отцов в касках и потом спрашивавшие, почему мама плачет на кухне.

Они доверяли мне не потому, что я была женой генерала.

Потому что я слушала.

И кто-то теперь использовал их доверие как оружие.

— Я не оставлю это, — сказала я.

— Тогда не оставляй умно.

— Что ты хочешь прописать?

Рената сразу стала деловой.

— Первое: я сопровождаю тебя на всех значимых встречах. Второе: ты ничего не подписываешь без меня. Третье: любые устные ограничения фиксируются письменно. Четвертое: если Тарновский попытается вывести разговор в личное, ты встаешь и уходишь.

Я посмотрела на нее.

— Думаешь, попытается?

— Думаю, вы оба попытаетесь. Просто по-разному.

Я слабо усмехнулась.

— Я пришла сегодня разводиться.

— Я помню.

— А теперь еду к мужу под командование.

— Не к мужу. В центр. И не под командование, а в рамках процедуры.

— Ты сама в это веришь?

— Нет, — спокойно ответила Рената. — Но в документах будет звучать именно так.

Иногда дружба — это когда человек не утешает, а помогает правильно назвать неприятную реальность.

Мы вернулись к Мирославу.

Он уже не говорил по телефону. Просто ждал. Рядом с ним Селиванов держал папку, Кулагин смотрел в сторону, второй сотрудник делал вид, что не мерзнет.

— Условия, — сказала Рената. — Я сопровождаю Ордынцеву сегодня и далее на всех процессуально значимых действиях. Любой документ — только после моего просмотра. Любой отказ в доступе фиксируется письменно. Любой разговор с вашей стороны, который выходит за рамки проверки и касается брака, не имеет отношения к делу.

Последнюю фразу она произнесла сухо, почти лениво.

Мирослав посмотрел на меня.

— Согласен.

— Вы быстро соглашаетесь, — заметила Рената.

— Я не спорю с разумными требованиями.

— Редкое качество для генерала.

— Не самое редкое.

Я не хотела, чтобы они находили общий язык. Это было глупо, но честно. Рената была моей территорией, единственным человеком, который знал весь мой брак с изнанки. Мирослав не имел права входить и туда.

Он, будто почувствовав, снова посмотрел на меня.

— Таисия, решение за тобой.

Я слышала эту фразу и не доверяла ей.

Слишком поздно.

Но сейчас передо мной был не выбор между ним и свободой. Свободу уже испачкали чужой подставой. Теперь мне нужно было выбирать между тем, чтобы ждать ударов снаружи, и тем, чтобы войти внутрь, где хотя бы можно увидеть руку, которая их наносит.

— Я соглашусь на доступ, — сказала я. — Но не на личный контроль.

— В документах будет моя ответственность.

— Это твои документы. У меня свои слова.

— Какие?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не возвращаюсь к тебе, Мирослав. Я иду искать правду.

Его лицо осталось спокойным.

Только взгляд стал глубже.

— Я понял.

— Нет. Ты часто понимаешь так, как тебе удобно. Поэтому повторяю: месяц, который дал суд, ничего не меняет. Развод остается. Я не твоя жена в том смысле, в котором тебе удобно. Я не обязана быть послушной, благодарной или тихой.

— Я не прошу тишины.

— Тогда что ты просишь?

Пауза вышла короткой, но в ней было слишком много.

— Не действовать одной, — сказал он.

Я вспомнила пустые ночи. Выключенный экран его телефона. Женщину у ведомственного дома. Собственный голос в темной кухне: «Мирослав, ты мне изменяешь?» И его ответ: «Не сейчас, Таисия».

Не действовать одной.

Как поздно он это сказал.

— Я буду действовать с адвокатом, — произнесла я.

— Хорошо.

Рената забрала у Селиванова копии первичных документов. Быстро просмотрела, сделала снимки, отправила кому-то в защищенный чат. Потом кивнула мне.

— Едем.

— В «Каскад»? — спросила я, хотя ответ уже знала.

Мирослав не стал отвечать вместо нее.

Ответила Рената:

— В «Каскад».

Слово прозвучало слишком окончательно.

Я видела этот центр всего несколько раз. На официальных мероприятиях, где жены сотрудников улыбались, принимали цветы, стояли рядом с мужьями и делали вид, что понижают цену их молчания. Тогда «Каскад» казался мне частью жизни Мирослава, куда меня пускали только в красивую, безопасную витрину.

Теперь мне предстояло войти туда с другой стороны.

Не как жена генерала.

Как женщина, которую его система уже начала перемалывать.

Перед тем как сесть в машину, я обернулась на офис. За стеклом третьего этажа мелькнула тень. Кто-то прошел мимо моего кабинета.

Мое место.

Мои документы.

Мои люди.

И чужие руки в моих папках.

— Таисия, — позвала Рената.

Я кивнула и открыла дверь машины.

Мирослав стоял у своей. Не подходил. Не помогал. Не говорил лишнего. Но я знала: с этой минуты он снова будет рядом.

По документам — как ответственный за мой доступ.

По суду — как муж, с которым нас обязали ждать месяц.

По правде — как человек, который слишком долго молчал и теперь хотел, чтобы я поверила его словам.

Я села рядом с Ренатой и закрыла дверь.

Машина тронулась первой. Служебный автомобиль Мирослава поехал следом.

В зеркале я видела черный силуэт за нами и думала о том, что еще утром это казалось бы мне тюрьмой.

Теперь это было хуже.

Это было единственным путем внутрь.

ГЛАВА 2. Пропуск с его подписью

«Каскад» начинался не с ворот.

Он начинался раньше — с дороги, которая уходила от города к заливу и постепенно становилась пустой. Сначала исчезли витрины, потом жилые дома, потом обычный шум Ревельска. Остались мокрый асфальт, низкое небо и редкие служебные машины, которые двигались в одном направлении с нами.

Я смотрела в окно и старалась не думать, что уже была здесь.

Не в этой роли.

Раньше я приезжала в «Каскад» на официальные мероприятия: открытие нового корпуса, встреча с семьями, короткие приемы, где мне отводили место рядом с Мирославом. Я улыбалась, говорила правильные слова, принимала благодарности за программу помощи и делала вид, что не замечаю, как люди сначала смотрят на его погоны, а уже потом на меня.

Тогда центр казался мне частью его службы.

Сегодня он выглядел как место, где меня могли окончательно лишить имени.

— Дыши, — сказала Рената.

Я повернула голову.

— Я дышу.

— Как человек, который собирается на допрос без адвоката.

— А я с адвокатом.

— Вот именно. Не порть мне статистику.

Ее спокойная сухость помогала. Не успокаивала полностью, но не давала провалиться в страх.

Машина свернула к внешнему периметру. Впереди поднялись серые бетонные ограждения, камеры на металлических опорах, первый пункт контроля. За ним виднелись корпуса: административный, учебный, тренировочные башни с темными проемами окон, длинное здание с надписью «Медицинский блок» на торце.

Я увидела эту надпись и сама не поняла, почему задержала на ней взгляд.

Машина остановилась перед шлагбаумом.

Охранник вышел из будки, наклонился к водительскому окну, проверил документы. Потом посмотрел на нас с Ренатой. Не грубо, не с любопытством. Так смотрят на людей, которые попали в список раньше, чем приехали.

— Ордынцева Таисия Романовна? — спросил он.

— Да.

— Сомова Рената Игоревна?

— Да, — ответила Рената. — Адвокат.

Он сверился с планшетом.

— Проезд разрешен до второго контура. Дальше пеший проход через сектор регистрации.

— Почему не до административного корпуса? — спросила я.

Охранник снова посмотрел в планшет.

— Такой режим допуска.

Я открыла рот, но Рената спокойно положила ладонь мне на запястье.

— Фиксировать будем позже, если понадобится.

Шлагбаум поднялся.

Второй контур находился в глубине территории. Здесь все было строже: двойные двери, рамка досмотра, турникеты, стеклянная кабина дежурного. За стеклом — мужчина в темной

форме и женщина с собранными волосами, которая сразу протянула нам пластиковые контейнеры для вещей.

— Телефоны, часы, внешние носители, ключи, металлические предметы, — сказала она. — Все в контейнер.

— Телефон остается при адвокате, — произнесла Рената.

Женщина подняла взгляд.

— На территории закрытого центра личные устройства запрещены.

— У меня рабочий телефон с доступом к юридическим материалам моей доверительницы.

— Правила едины для всех.

— Тогда дайте письменный отказ в сохранении адвокатского канала связи.

Женщина моргнула.

Я почти улыбнулась.

Рената не повышала голос. Никогда. Она просто произносила фразы так, что люди начинали понимать: проще соблюсти закон, чем спорить с ней на глазах у камер.

Дежурный мужчина потянулся к внутреннему телефону, но не успел набрать номер.

Стеклянная дверь за турникетами открылась.

Мирослав вышел в холл.

Я ненавидела то, как быстро менялось пространство при его появлении.

Не потому, что люди суетились. Наоборот, они переставали суетиться. Становились собраннее, ровнее, осторожнее. Даже воздух как будто начинал подчиняться внутреннему расписанию центра.

Мирослав был без шинели. Темная форма, строгая посадка, лицо спокойное. На улице он выглядел человеком, пришедшим из другой системы. Здесь — частью самой системы.

— Телефон адвоката остается, — сказал он. — С камерой, микрофоном и внешними подключениями — в режим ограничения. Связь только через защищенный канал в сопровождении дежурного юриста. Оформите.

Женщина сразу кивнула.

— Есть.

Рената посмотрела на него с легким интересом.

— Вы заранее подготовили исключение?

— Я подготовил возможность работать без нарушения ваших прав.

— Звучит почти уважительно.

— Так и задумано.

Я не хотела наблюдать, как они снова находят общий язык.

— А мой телефон? — спросила я.

Мирослав повернулся ко мне.

— Сдается.

— Удобно.

— Это режим объекта.

— Конечно. Здесь все режим объекта. Даже разговоры, наверное, по расписанию.

— Если бы они были по расписанию, мы с тобой не стояли бы сейчас у турникета.

Ответ был тихий, но попал точно.

Я отвела взгляд первой.

Не из слабости. Из злости на себя. Потому что где-то внутри сразу возникла память: ночная кухня, я в его рубашке, он наливает воду, часы показывают три двадцать. Тогда я спросила: «Ты когда-нибудь научишься просто говорить?» Он ответил: «С тобой — попробую».

Не научился.

Дежурная протянула мне бланк.

— Ознакомьтесь и подпишите согласие на временное хранение личных устройств.

Рената забрала лист раньше меня.

— Сначала я.

Она прочитала быстро, но внимательно. Поставила пометки карандашом, попросила заменить одну формулировку. Дежурная посмотрела на Мирослава. Он кивнул. Формулировку заменили.

Это заняло семь минут.

Семь минут, в течение которых я стояла рядом с мужем и не знала, куда деть руки.

Кольца на пальце не было, но привычка сжимать его осталась. Большой палец скользнул по пустому месту. Я тут же спрятала руку в карман пальто.

Мирослав заметил.

Конечно, заметил.

Но ничего не сказал.

Когда досмотр закончился, нам выдали временные карты посетителей. У Ренаты была синяя полоса. У меня — желтая.

— Почему разные? — спросила я.

Дежурная ответила:

— У адвоката гостевой юридический доступ. У вас временный функциональный.

— Функциональный, — повторила я. — Это теперь так называется?

Мирослав взял с стойки еще одну карту. Белую, с моим именем, фотографией из старой базы и красной диагональной отметкой.

Я узнала снимок. Его сделали полтора года назад, когда я приезжала на ведомственную конференцию. Тогда на мне было светлое платье, которое Мирослав выбрал сам, потому что я устала спорить с дресс-кодом. На фото я выглядела спокойной и уверенной.

Женщиной, которая еще думала, что просто переживает трудный период в браке.

Мирослав протянул мне карту.

— Это основной временный пропуск на месяц.

Я не взяла сразу.

На нижней строке стояла его подпись.

Не факсимиле. Не электронная отметка. Ручная подпись черными чернилами.

Мирослав Тарновский.

Мой муж, который сегодня не дал мне развестись.

Генерал, под чьей ответственностью я теперь проходила на закрытый объект.

— Ты сам подписал? — спросила я.

— Да.

— Не доверил системе?

— В этом случае нет.

— Почему?

— Потому что если с тобой что-то произойдет на территории «Каскада», отвечать буду я.

Слова были правильными. Даже слишком.

Я взяла пропуск двумя пальцами, стараясь не коснуться его руки. Не получилось. Кожа на мгновение задела кожу, и от этого короткого прикосновения по телу прошла память, к которой я не была готова.

Мирослав не двинулся.

Я отступила на шаг.

— Я не вещь под твою ответственность.

— Я знаю.

— Иногда сомневаюсь.

Он посмотрел на пропуск в моей руке.

— Ответственность в документах не отменяет твою волю.

— Очень зрелая мысль. Жаль, в браке ты ею не пользовался.

Дежурная опустила глаза в монитор. Мужчина за стеклом стал слишком внимательно проверять пустой экран. Рената тихо вздохнула, но не остановила меня.

Мирослав выдержал и это.

— Тогда будем пользоваться сейчас.

Я застегнула пропуск на лацкан пальто.

Пластик оказался тяжелее, чем выглядел.

Турникет открылся после короткого сигнала. Я прошла первой. За мной — Рената. Мирослав шел рядом, но не впереди. Это было непривычно. Обычно люди в «Каскаде» двигались за ним, а не он рядом с кем-то.

Административный корпус встретил нас чистыми коридорами, серыми стенами, светлыми полосами на полу и указателями с номерами секторов. Ничего лишнего. Никаких случайных цветов. Каждый поворот подписан, каждая дверь с электронным замком, каждая камера смотрит не в пустоту, а в конкретную точку.

Я поняла, почему многие здесь говорили тише.

В таких зданиях человек сам начинает вести себя как документ: ровно, аккуратно, без лишнего.

— Сначала кабинет допуска, — сказал Мирослав. — Потом архивный сектор.

— Сначала правила, — вмешалась Рената. — Письменно.

— Уже подготовлены.

— С возможностью замечаний?

— Да.

Рената посмотрела на меня.

— Запоминай этот день. Генерал отвечает «да» чаще, чем спорит.

— Не привыкну, — сказала я.

— И не надо, — тихо ответил Мирослав.

Я не стала оборачиваться.

В кабинете допуска нас ждала женщина лет сорока с короткой стрижкой и лицом, на котором профессиональная вежливость держалась крепче любого макияжа.

— Капитан административной службы Инга Ровенская, — представилась она. — Оформление временного допуска.

Она положила перед нами папку.

Рената сразу придвинула ее к себе.

— Читайте вслух основные ограничения, — сказала она.

Ровенская посмотрела на Мирослава.

— Выполняйте, — сказал он.

Капитан открыла первый лист.

— Ордынцева Таисия Романовна получает временный функциональный допуск к материалам внутренней проверки в части, касающейся деятельности программы психологического сопровождения семей сотрудников федерального спасательного корпуса. Срок — тридцать календарных дней либо до прекращения необходимости допуска. Передвижение по территории центра — только в разрешенных секторах. Вход в медицинский блок, серверный узел, технический архив и сектор защищаемых лиц — только по отдельному разрешению.

Она читала ровно. Я слушала и чувствовала, как раздражение снова поднимается.

— То есть меня пускают внутрь, но туда, где может быть важная информация, не пускают, — сказала я.

Ровенская не изменилась в лице.

— Вас пускают туда, куда позволяет текущий статус.

— Текущий статус подозреваемой?
Рената чуть повернула ко мне голову.

— Таисия.

Я замолчала.

Мирослав стоял у окна. Скрестив руки за спиной, он смотрел не на меня, а на Ровенскую. Но я знала: слышит каждую интонацию.

Капитан продолжила:

— Запрещается самостоятельный контакт с сотрудниками центра по вопросам проверки без согласования. Запрещается вынос бумажных и электронных материалов. Запрещается фото-, видео- и аудиофиксация без разрешения. Запрещается публикация сведений, полученных в ходе проверки, до официального завершения внутренней процедуры либо до отдельного решения внешнего следственного органа.

— А если кто-то уже публикует ложь обо мне? — спросила я.

— Публичные комментарии согласовываются через юридический блок, — ответила Ровенская.

— Как удобно.

Мирослав заговорил впервые за несколько минут:

— Публичное заявление сейчас закрепит за тобой роль участника скандала, а не потерпевшей от подставы.

Я резко повернулась.

— Ты уже решил, что я потерпевшая?

— Да.

— Без проверки?

— Я знаю, как выглядит твоя работа. И знаю, как выглядит вброс.

От этих слов стало больно по другой причине.

Он знал, как выглядит моя работа.

Когда мы только запускали программу, Мирослав приезжал поздно вечером и садился за мой кухонный стол с распечатками. Читал молча, потом задавал вопросы. Не мягко, нет. Он никогда не был мягким в делах. Но внимательно. Тогда я гордилась, что он воспринимает мое дело серьезно.

Потом он перестал спрашивать.

Перестал приезжать вовремя.

Перестал замечать, что я тоже устаю.

— Твое доверие появилось очень вовремя, — сказала я.

Он принял удар взглядом.

— Не вовремя. Поздно.

Рената подняла глаза от документов.

— Хорошо. Это почти полезная фраза. Но вернемся к правилам.

Она внесла несколько замечаний: право адвоката присутствовать при просмотре материалов, право Таисии получать письменные копии отказов, запрет на беседы без уведомления защиты, фиксация всех переданных нам сведений в отдельном журнале. Ровенская не спорила, только исправляла формулировки и отправляла изменения на согласование.

Мирослав подписал обновленный лист не глядя.

Рената сухо сказала:

— Читать перед подписью полезно даже генералам.

— Я слышал каждую правку.

— Тогда полезно делать вид, что вы сомневаетесь. Людей успокаивает.

— Вас?

— Нет. Меня успокаивают грамотно составленные документы.

Я впервые за утро почти рассмеялась.

Почти.

Ровенская передала мне ручку.

— Подпись здесь, здесь и на последней странице.

Я подписала.

Таисия Ордынцева.

Каждая буква вышла ровной. Это почему-то было важно. Не дрожащая подпись испуганной женщины, не скомканное движение человека, которого загнали в угол. Моя рука. Мое имя. Мое решение.

Когда мы вышли из кабинета, Мирослав на секунду задержался рядом.

— Дальше архивный сектор. Там покажут первичные логи.

— Лог — это не документы, — сказала Рената.

— Это след, — ответил он. — Документы будут позже.

— Следы иногда рисуют.

— Поэтому я и хочу, чтобы Таисия увидела их до того, как их начнут объяснять за нее.

Мне не понравилось, насколько разумно это прозвучало.

Архивный сектор находился на втором этаже в конце длинного коридора. Дверь туда открывалась только после двойной проверки: пропуск и код сотрудника сопровождения. Код ввела Ровенская, которая пошла с нами. Мирослав приложил свою карту к считывателю, но внутрь вошел последним.

Архив оказался не таким, каким я его представляла.

Не пыльные полки и папки до потолка, а светлое помещение с закрытыми шкафами, несколькими рабочими станциями, принтером с защитным кожухом и отдельной стеклянной комнатой, где стоял терминал просмотра. На стене — табло с временем и строкой: «Все действия регистрируются».

— Уютно, — сказала Рената.

Ровенская ответила без тени иронии:

— Для архива объектового уровня — да.

За одним из столов сидел худой мужчина в очках. Он поднялся, когда мы вошли.

— Старший специалист Лаврецкий. Работаю с журналами доступа.

Его голос был сухим, но пальцы заметно нервничали. Он поправил очки, хотя они и так сидели ровно.

Мирослав заметил это тоже.

— Показывайте только первичные данные, — сказал он. — Без интерпретаций.

— Есть.

Лаврецкий пригласил нас к стеклянной комнате. Внутри было три стула. Рената села справа от меня, Мирослав остался стоять за спиной. Не близко, но достаточно, чтобы я чувствовала его.

— Вы можете сесть, — сказала я, не оборачиваясь.

— Не мешаю?

— Мешаете.

Рената кашлянула.

Лаврецкий застыл с мышью в руке.

Мирослав сделал паузу, потом обошел стол и сел напротив, сбоку от монитора.

— Так лучше?

— Нет. Но честнее.

На секунду его губы едва заметно дрогнули.

Не улыбка. Скорее память о ней.

Я разозлилась на эту память еще до того, как она успела стать теплой.

Лаврецкий открыл систему. На экране появилась таблица: даты, время, идентификаторы, узлы входа, уровни доступа, статусы операций.

— Это фрагмент журнала по идентификатору программы Ордынцевой за последние семьдесят два часа, — сказал он. — Здесь отображаются только события, которые прошли через внутренний шлюз «Каскада».

— Мой офис был вне периметра, — сказала я.

— Да. Поэтому прямых событий там быть не должно, кроме согласованных запросов через внешний защищенный канал.

— И были?

Лаврецкий прокрутил таблицу.

— Последний законный запрос от вашей программы — три месяца назад. Он закрыт в день выдачи, в восемнадцать сорок две.

Я помнила тот день.

Я тогда опоздала домой на ужин, который сама же приготовила утром. Мирослав тоже опоздал. Мы встретились на кухне почти в полночь и оба сделали вид, что это нормально.

— Дальше, — сказал Мирослав.

Лаврецкий перешел к нижним строкам.

— Затем активность отсутствует до сегодняшней ночи. В два часа семнадцать минут зафиксирована повторная активация временного доступа.

— Кто активировал? — спросила Рената.

— В журнале указано автоматическое восстановление по ранее согласованному токenu.

— Что это значит человеческим языком?

Лаврецкий сглотнул.

— Система приняла доступ как уже одобренный ранее и восстановленный в рамках технического обслуживания.

— Так бывает? — спросила я.

Он не ответил сразу.

Мирослав посмотрел на него.

— Лаврецкий.

— Теоретически — да, если токен не был уничтожен, а переведен в архивное состояние.

— А практически?

— Практически такие токены должны очищаться после закрытия разового окна.

Рената сделала пометку.

— Кто отвечает за очистку?

— Автоматический модуль и администратор сегмента.

— Фамилия администратора?

Лаврецкий снова посмотрел на Мирослава.

— Отвечайте, — сказал тот.

— По этому сегменту дежурным администратором числился Кирсанов. Но в ночь восстановления подтверждение прошло не с его рабочего места.

— А откуда?

Лаврецкий открыл следующую строку.

— Внутренний терминал МБ-3.

Я не поняла.

— Что такое МБ-3?

В комнате стало слишком тихо.

Ровенская, до этого стоявшая у двери, опустила взгляд в планшет. Лаврецкий перестал двигать мышью. Рената повернулась к Мирославу.

Он ответил сам:

— Терминал медицинского блока. Третий защищенный пост.

Я посмотрела на экран.

Два часа семнадцать минут.

Повторная активация доступа.

Идентификатор моей программы.

Внутренний терминал МБ-3.

— Я никогда не была в медицинском блоке, — сказала я.

Мой голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Наверное, так организм защищается, когда страх уже рядом, но ты не хочешь дать ему место.

— Мы это проверим, — сказал Мирослав.

— Не проверим. Ты знаешь, что я там не была.

— Знаю.

Рената сразу спросила:

— Как вы можете это знать?

Мирослав не отвел глаз от экрана.

— Потому что вход в медицинский блок идет по биометрическому подтверждению сотрудников центра. Таисия не зарегистрирована в системе как сотрудник.

— Тогда как ее доступ мог сработать оттуда?

— Не ее, — сказал он. — Ее идентификатор. Это разные вещи.

Лаврецкий тихо добавил:

— В два часа двадцать одна минута через тот же сеанс был сделан пакетный запрос на выгрузку ограниченного массива.

— Какого массива? — спросила я.

Он открыл вложение. Часть строк была закрыта черными полосами.

— Персональные карточки семей, привязанные к операциям повышенного риска за последние восемнадцать месяцев. Психологические статусы, служебные отметки, внутренние коды сопровождения.

У меня сжалось горло.

— У нас в программе не было служебных отметок.

— В вашей части — нет, — сказал Лаврецкий.

— Значит, данные взяли не у нас.

— Они были объединены в момент выгрузки.

Рената подняла голову.

— Объединены кем?

— Система показывает автоматический запрос.

— Автоматический запрос не просыпается ночью сам от тревожных мыслей, — сухо сказала она. — Кто его запустил?

Лаврецкий побледнел.

— В журнале стоит идентификатор Ордынцевой.

Я медленно повернулась к Мирославу.

— Вот как.

Он смотрел на монитор, но я видела, как напряглась линия его челюсти.

— Это подстава, — сказал он.

— Для тебя — подстава. Для них — документ.

— Поэтому мы и смотрим первичные логи.

— Первичные логи уже говорят, что я ночью вошла в закрытую систему из медицинского блока, где никогда не была, и выгрузила данные, которых у меня не было.

— Они говорят, что кто-то использовал твой идентификатор.

— А заголовки завтра скажут иначе.

Рената закрыла ручку.

— Нужны копии этих фрагментов.

Лаврецкий почти сразу покачал головой.

— Копирование запрещено без отдельного разрешения.

— Тогда распечатка с заверением.

— Тоже запрещено.

— На каком основании?

Он посмотрел на Мирослава.

Мне вдруг стало ясно, что в «Каскаде» многие привыкли не отвечать, пока не поймут, какой ответ безопасен для начальства.

Мирослав произнес:

— Оформите протокол просмотра. С указанием строк, времени, терминала МБ-3 и характера операции. Заверьте подписью Лаврецкого, Ровенской и моей.

— Товарищ генерал-майор, — осторожно сказала Ровенская, — если фрагмент относится к защищенному медицинскому контуру, требуется согласование начальника блока.

— Оформите запрос.

— Начальник блока сейчас на совещании.

— Тогда ждите ответа после совещания. Но протокол просмотра составьте сейчас.

Рената кивнула.

— И отметьте, что защите отказано в копии до согласования.

— Не отказано, — сказала Ровенская. — Отложено.

— Запишем: «предоставление копии отложено». Я не против точных слов.

Пока они спорили о формулировках, я снова смотрела на экран.

МБ-3.

Медицинский блок.

Третий защищенный пост.

Ночь.

Две семнадцать.

Я пыталась представить человека, который сидел там в это время и вводил мой идентификатор. Сотрудник? Врач? Администратор? Кто-то, кто имел доступ к медицинскому блоку и знал, что разовый токен моей программы когда-то существовал?

Или кто-то выше, кто мог заставить систему выглядеть так, как нужно?

— Таисия, — сказал Мирослав.

Я подняла глаза.

— Что?

— Ты помнишь, кто оформлял тот временный доступ три месяца назад?

— По служебной части — не знаю. От вашей стороны был запрос после аварии на северном полигоне. От нашей — я и координатор программы.

— Имя координатора?

— Нина Корецкая. Но она не могла восстановить токен внутри «Каскада».

— Я спрашиваю не потому, что подозреваю ее.

— А потому что выстраиваешь цепочку.

— Да.

Так просто.

Раньше эта его способность видеть цепочки восхищала меня. Мирослав не терялся в кризисе. Он быстро отделял главное от шума, задавал точные вопросы и двигался туда, где находился узел проблемы.

Теперь я была частью узла.

— Нина сейчас где? — спросил он.

— Должна быть дома. После новости я ей не звонила.

— Позвонишь с телефона адвоката через защищенный канал. При Ренате.

— Ты разрешаешь?

Он выдержал паузу.

— Предлагаю.

— Хорошая замена слова.

— Я учусь.

Я не успела ответить.

Дверь стеклянной комнаты открылась без стука.

Вошел мужчина в темно-синем костюме, настолько аккуратном, что он казался частью формы, хотя формы на нем не было. Высокий, сухой, с ровными чертами лица и внимательными светлыми глазами. Возраст — около пятидесяти. В руке тонкая папка. На лацкане маленький ведомственный значок.

Ровенская сразу выпрямилась.

Лаврецкий встал.

Мирослав не поднялся.

— Аверьян Никитич, — сказал он.

Значит, Долгов.

Заместитель по внутренней безопасности.

Человек, чья заявка на осмотр моего офиса прошла слишком рано.

Долгов посмотрел сначала на Мирослава, потом на меня. Не задержал взгляд дольше приличного. Не улыбнулся. Но я почувствовала, что меня уже оценили и положили в нужную папку.

— Таисия Романовна, — произнес он. — Сожалею, что знакомство происходит при таких обстоятельствах.

Голос у него был мягкий. Почти приятный.

И именно поэтому мне стало неприятно.

— А я пока не решила, сожалею ли, — ответила я.

Рената тихо сказала:

— Моя доверительница не обязана вести неформальные беседы.

Долгов перевел взгляд на нее.

— Разумеется. Адвокат Сомова, если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь.

— Хорошо, что вы здесь. Процедура должна быть безупречной.

— Я прослежу.

— Не сомневаюсь.

Он говорил вежливо, но в этой вежливости не было тепла. Только чистая, выверенная поверхность.

Мирослав положил ладонь на край стола.

— Почему вы здесь?

— Мне сообщили о просмотре журнала медицинского блока лицом с ограниченным статусом.

— Просмотр идет в рамках моего распоряжения.

— Именно поэтому я здесь. Ваше распоряжение может быть оспорено.

— Кем?

— Любым, кто сочтет его конфликтом интересов.

Долгов не посмотрел на меня, но все равно указал точно.

Жена генерала.

Развод.

Скандал.

Конфликт интересов.

Я усмехнулась.

— Можете смотреть на меня, когда говорите обо мне.

Он повернулся ко мне плавно, без раздражения.

— Простите. Я не хотел создать впечатление, что вас исключили из разговора.

— Вы хотели создать впечатление, что все законно.

— Это моя работа.

— А моя — понимать, когда за законностью прячут удобную ложь.

В комнате стало тихо.

Рената не остановила меня. Возможно, потому что фраза была не истерикой. Просто точным ответом.

Долгов слегка наклонил голову.

— У вас сильная позиция для человека, чьи идентификаторы фигурируют в утечке.

— А у вас быстрое мнение для человека, который отвечает за внутреннюю безопасность.

Мирослав встал.

Не резко. Но сразу стало ясно, что разговор вошел в опасную зону.

— Достаточно.

Долгов посмотрел на него.

— Согласен. Поэтому предлагаю прекратить просмотр до оформления полного допуска через комиссию.

— Нет.

Одно слово.

Спокойное.

Без возможности спутать.

Долгов не изменился в лице.

— Мирослав Аркадьевич, вы ставите себя в уязвимое положение.

— Я ставлю проверку в рабочее положение.

— Ордынцева не сотрудник центра.

— Руководитель программы, через которую якобы прошла утечка.

— И ваша жена.

Я не успела моргнуть.

Мирослав сделал шаг к Долгову. Небольшой, но пространство между ними стало жестче.

— Почти бывшая, — сказала я.

Оба посмотрели на меня.

Я поднялась со стула.

— Давайте не забывать точность формулировок, если всем так важна процедура. Сегодня суд дал месяц. Через месяц развод будет оформлен. Сейчас я здесь не как жена Мирослава Аркадьевича, а как человек, чье имя используют в преступлении.

Долгов посмотрел на меня дольше.

— Вы уверены, что хотите называть это преступлением?

— А как вы называете использование персональных данных семей спасателей?

— Пока рано говорить об использовании. Есть факт распространения.

— Данные сами себя не распространили.

— Верно. Именно это мы и выясняем.

Он произнес это мягко. Но я вдруг поняла: этот человек опасен не потому, что давит. Он не давил. Он предлагал каждому слову удобную рамку, в которой человек мог сам стать виноватым.

Мирослав сказал:

— Просмотр продолжается. Протокол оформляется. Если вы хотите оспорить мой допуск Ордынцевой, делайте это письменно.

— Сделаю.

— Отлично.

Долгов перевел взгляд на экран, но Лаврецкий уже закрыл часть окна с журналом.

— Успели увидеть терминал? — спросил Долгов.

Вопрос был адресован не мне.

Мирослав ответил:

— Успели.

— Тогда вы понимаете, почему медицинский блок нужно закрыть от внешнего вмешательства.

— Понимаю, почему его нужно проверить.

— Эльмира Станиславовна будет недовольна.

— Ей придется пережить.

Долгов посмотрел на меня в последний раз.

— Таисия Романовна, советую вам быть осторожнее с выводами. Иногда желание доказать невиновность заставляет человека заходить туда, где ему лучше не появляться.

— Это предупреждение?

— Забота о чистоте процедуры.

— Неудачно звучит.

Он едва заметно улыбнулся.

— Возможно.

Когда Долгов вышел, в комнате еще несколько секунд никто не говорил.

Рената первой нарушила тишину:

— Неприятный человек.

Лаврецкий дернулся, будто она сказала неприличное.

Мирослав сел обратно.

— Очень.

— Вы ему доверяете? — спросила я.

— Уже нет.

— А раньше?

Он посмотрел на меня.

— Раньше доверял системе, в которой он работал.

— Удобный ответ.

— Правдивый.

Мне хотелось спросить, сколько еще раз его доверие системе будет стоить мне боли. Но я промолчала.

Не потому, что сдалась.

Потому что на экране все еще была строка МБ-3, и сейчас она была важнее наших ран.

Ровенская оформила протокол. Лаврецкий подписал. Мирослав подписал последним. Рената сфотографировала документ на свой телефон через дежурного юриста, который все это время молча стоял у двери и выглядел так, будто мечтает оказаться в другом месте.

— Теперь мне нужен доступ в медицинский блок, — сказала я.

— Нет, — ответил Мирослав.

Я медленно повернулась к нему.

— Мы только что увидели, что след идет оттуда.

— Именно поэтому нет.

— Это логика генерала?

— Это логика человека, который понимает, что после появления Долгова каждый твой шаг туда будет использован против тебя.

— Значит, я должна сидеть и ждать?

— Ты должна пойти туда законно.

— А если законность оформляет человек, который может быть причастен?

— Тогда мы обойдем его.

— Как?

— По правилам, которые он не сможет оспорить.

Я засмеялась тихо.

— Ты слышишь себя? Ты опять предлагаешь мне довериться твоему умению управлять правилами.

— Нет. Я предлагаю тебе использовать мое умение против тех, кто использовал правила против тебя.

Это было сильнее, чем я хотела признать.

Рената убрала копию протокола.

— В медицинский блок без отдельного разрешения мы не идем. Сейчас у нас на руках есть первое несоответствие: терминал МБ-3 и отсутствие биометрического доступа Ордынцевой. Этого достаточно, чтобы требовать расширения проверки.

— Я не хочу требовать, — сказала я. — Я хочу увидеть место.

— Увидишь, — сказал Мирослав.

— Когда ты разрешишь?

— Когда я смогу провести тебя так, чтобы это не уничтожило твою защиту.

Я подошла к стеклу, за которым виднелся основной архив. Люди за столами делали вид, что не смотрят на нас.

— Ты понимаешь, как это звучит для меня?

— Да.

— Нет. Если бы понимал, не говорил бы таким голосом.

— Каким?

Я повернулась.

— Голосом человека, который решил, что лучше знает, где мне быть.

Мирослав молчал.

Я ждала возражения. Привычного, спокойного, железного. Вместо этого он сказал:

— Я не лучше знаю. Я больше знаю об этом здании. Это разные вещи.

Мне нечем было ответить сразу.

Потому что это было честно.

Неприятно, но честно.

Рената посмотрела на часы.

— Нам нужно связаться с Ниной Корецкой, запросить у офиса копии трудовых договоров координаторов, поднять документы по временному доступу трехмесячной давности и подготовить заявление о статусе потерпевшей от незаконного использования идентификатора.

— Не потерпевшей, — сказала я.

Она подняла бровь.

— Таисия.

— Я понимаю юридически. Но пока это звучит так, будто меня уже уложили на спину и попросили не двигаться.

— Тогда назовем иначе. Заявление о признаках незаконного использования вашего идентификатора.

— Лучше.

Мирослав посмотрел на Ренату.

— Вам дадут кабинет.

— Нам дадут кабинет рядом с архивом, — уточнила она. — Не в вашем крыле.

— Хорошо.

Я снова услышала это слово и вдруг устала.

От него. От центра. От того, что каждое согласие Мирослава казалось маленькой победой, хотя так не должно было быть. Мужчина не заслуживает благодарности за то, что наконец перестал ломать твою волю.

Мы вышли из архива.

В коридоре былолюдно. Несколько сотрудников прошли мимо, поздоровались с Мирославом и украдкой посмотрели на меня. Я знала этот взгляд. Новости уже разошлись. Внутри «Каскада» мое имя, наверное, обсуждали быстрее, чем в сети.

Обиженная жена генерала.

Психолог с доступом к семьям.

Женщина, которая утром пришла разводиться, а ночью якобы слила закрытые данные.

Хорошая история всегда строится просто.

Правда — сложнее.

Мы остановились у развилки. Прямо — административные кабинеты. Направо — лестница. Слева за стеклянной перегородкой виднелся переход в другой корпус.

На указателе было написано: «Медицинский блок».

Я задержала взгляд.

Там, за стеклом и электронными дверями, находился терминал МБ-3. Место, где кто-то ночью надел на меня чужую вину.

— Таисия, — сказал Мирослав.

— Я не пойду туда сейчас.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Знаю.

— Не потому, что ты запретил.

— Понимаю.

— А потому, что хочу зайти так, чтобы потом никто не сказал, будто я сама испортила доказательства.

— Это правильное решение.

Я усмехнулась.

— Не награждай меня одобрением. Я не курсант.

Его взгляд стал тише.

— Я помню.

Мы стояли слишком близко к стеклянному переходу. За ним прошла женщина в белом халате. Темные волосы, строгая осанка, планшет в руках. Она не посмотрела на нас, но Мирослав вдруг выпрямился чуть сильнее.

— Это Гаева? — спросила я.

Он повернул голову.

— Да. Эльмира Станиславовна. Начальник медицинского блока.

Женщина скрылась за поворотом.

Я посмотрела на закрытую дверь с надписью «Доступ ограничен».

— Значит, скоро мы познакомимся.

Мирослав ничего не ответил.

И это молчание впервые за долгое время было не пустой стеной, а знаком: он тоже понял, куда ведет первый настоящий след.

Не в мой офис.

Не в программу помощи.

Не к обиженной жене генерала.
Внутри «Каскада».
Туда, куда меня пока не пускали.

ГЛАВА 3. Правила генерала

Кабинет, который нам выделили, был слишком правильным.

Белый стол без царапин. Три стула. Закрытый шкаф для документов. На стене — схема эвакуации и часы, которые шли беззвучно, но все равно раздражали. В углу стоял чайник, рядом — коробка с пакетированным чаем, пластиковые стаканчики и банка растворимого кофе.

Ни одной лишней вещи.

Будто человек здесь мог только работать, отвечать на вопросы и не оставлять после себя следов.

Рената вошла первой, положила папку на стол и сразу осмотрела комнату. Не как гость. Как адвокат, который ищет, где спрятано неудобство.

— Камеры? — спросила она у Ровенской.

Капитан административной службы стояла у двери.

— Внутри нет. В коридоре есть.

— Аудиозапись?

— Не ведется.

— Я хочу это письменно.

Ровенская даже не вздохнула. Только сделала отметку в планшете.

— Подготовлю.

Я опустила на стул у окна. За стеклом был внутренний двор «Каскада»: ровные дорожки, мокрый бетон, служебный фургон у соседнего корпуса и люди в форме, которые двигались быстро, но без суеты. Здесь никто не бродил просто так. Каждый шел куда-то по делу.

Наверное, поэтому я сразу почувствовала себя лишней.

Не слабой. Не испуганной. Именно лишней.

Человеком без маршрута в месте, где маршрут был у всех.

— Мне нужен доступ в медицинский блок, — сказала я, не оборачиваясь.

Ровенская ответила спокойно:

— В данный момент он не оформлен.

— Оформите.

— Это не в моей компетенции.

— Тогда передайте тому, в чьей.

— Запрос уже подготовлен.

Я повернулась к ней.

— Когда будет ответ?

— После согласования с начальником медицинского блока и внутренней безопасностью.

Рената подняла голову от бумаг.

— Внутренней безопасностью руководит Долгов?

— Курирует, — уточнила Ровенская.

— Прекрасно. То есть человек, чья заявка уже выглядит странно, будет согласовывать доступ к месту, откуда использовали идентификатор моей доверительницы.

Капитан выдержала паузу.

— Я не уполномочена комментировать.

— Вы здесь вообще что-то уполномочены делать? — спросила я.

— Да. Оформлять ваш допуск в рамках утвержденных правил.

— Тогда оформляйте.

Ровенская посмотрела на меня не зло, скорее устало.

— Таисия Романовна, если я нарушу порядок, любой полученный вами материал можно будет оспорить. В том числе тот, который работает в вашу пользу.

Я замолчала.

Не потому, что она меня убедила. Потому что сказала правду.

Это было самое неприятное в «Каскаде»: здесь даже запреты иногда звучали разумно.

Рената тоже не стала спорить.

— Пока ждем ответ, нам нужен защищенный звонок Нине Корецкой.

— Организую.

Ровенская вышла.

Дверь закрылась мягко, почти бесшумно.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на пропуск, прикрепленный к лацкану пальто. Моя фотография. Мое имя. Красная диагональная отметка. Подпись Мирослава внизу.

На месяц.

Все вокруг снова свелось к этому сроку.

Месяц до развода.

Месяц допуска.

Месяц под его ответственностью.

Слишком красиво для случайности. Слишком удобно для чужого сценария.

— Не смотри на пропуск так, будто он тебя укусил, — сказала Рената.

Я отцепила карту и положила на стол.

— Он тяжелый.

— Пластик?

— Его подпись.

Она устроилась напротив меня.

— Таисия.

— Не надо.

— Я еще ничего не сказала.

— Я уже слышу начало.

— Тогда пропущу начало. Он сейчас полезет.

— Ненавижу это слово рядом с ним.

— Понимаю. Но от того, что ты его ненавидишь, он не становится бесполезным.

Я закрыла глаза на секунду.

В голове снова всплыл экран в архиве.

МБ-3.

Терминал медицинского блока.

Два часа семнадцать минут.

Я никогда не была там. Не имела биометрии. Не знала, где находится этот третий защищенный пост. Но система, если верить первичным логам, решила иначе.

— Что, если они действительно смогут доказать, что это была я? — спросила я.

Рената не стала отвечать сразу. Это было честнее любых заверений.

— Доказать можно не правду, — сказала она наконец. — Доказать можно связную версию. Наша задача — сделать так, чтобы их версия рассыпалась на фактах.

— Их версия простая.

— Простые версии любят читатели каналов. В суде им сложнее.

— Ты уверена?

— Я уверена, что паника нам не поможет.

Я улыбнулась краем губ.

— Это почти поддержка?

— Это она и есть. В моей манере.

Дверь открылась.

Вошла Ровенская с дежурным юристом и защищенным телефоном в прозрачном чехле. Устройство выглядело так, будто его можно было использовать и для связи, и для самообороны.

— Звонок будет записан как процессуальный контакт? — спросила Рената.

— Нет, — ответила Ровенская. — Только фиксируется факт вызова через защищенный канал. Содержание разговора не записывается без вашего согласия.

— Письменно?

Ровенская протянула лист.

Рената проверила, кивнула мне.

Я набрала номер Нины Корецкой наизусть.

Она ответила не сразу.

Каждый длинный гудок раздражал сильнее предыдущего. Я представляла ее дома: короткие светлые волосы, очки на макушке, привычка пить кофе из огромной кружки с облезлой надписью. Нина была не близкой подругой, но хорошим координатором. Суховатая, собранная, иногда резкая. Не та, кто станет врать красиво.

— Да? — наконец раздалось в трубке.

Голос был хриплым.

— Нина, это Таисия.

На той стороне стало тихо.

— Таисия Романовна?

Она редко называла меня по имени-отчеству. Только при чужих.

— Ты одна?

— Да. Сейчас да.

Рената придвинулась ближе и включила громкую связь. Я предупредила:

— Со мной адвокат. Разговор не записывается. Но мне нужно задать вопросы по доступам.

— Я видела новости, — сказала Нина.

— Поэтому и звоню. Ты дома?

— Уже нет.

Я выпрямилась.

— Где ты?

— У сестры. Я уехала после того, как у подъезда стояли двое.

Рената сразу взяла ручку.

— Какие двое? — спросила она.

— Не знаю. Мужчины. Не соседи. Один курил у машины, второй сидел внутри. Когда я вышла с мусором, они посмотрели так... — Нина сбилась. — Я не стала проверять, совпадение это или нет.

— Правильно сделала, — сказала я. — В офис тебе кто-то звонил?

— С утра — нет. Вчера вечером был странный звонок.

— От кого?

— Представились внутренней проверкой. Спросили, храню ли я копии согласий по программе на домашнем ноутбуке.

Рената подняла глаза.

— Имя назвали?

— Нет. Я спросила, кто именно говорит, и звонок оборвался.

— Номер?

— Скрытый.

— Нина, вспомни временный доступ три месяца назад, — сказала я. — После аварии на северном полигоне. Кто со стороны «Каскада» оформлял запрос?

Она молчала несколько секунд.

— Сначала пришло письмо от административного сектора. Потом подтверждение от медицинского блока.

— От кого именно?

— Сейчас... Я не помню фамилию. Женщина. Гаева подписывала общий лист, но рабочее письмо прислал кто-то из ее секретариата. Я могу посмотреть в почте.

— Почта у тебя есть?

— Рабочую уже заблокировали.

— Личная?

— Я пересылала себе только шаблоны, не данные.

— Нужны не данные. Нужны заголовки писем, даты, имена отправителей.

— Это могло остаться в кэше ноутбука, — сказала Нина. — Но ноутбук дома.

Рената быстро написала мне на листке: «Адрес. Не возвращаться одной».

— Не ездь домой, — сказала я. — Слышишь? Нина, не надо.

— Я и не собиралась.

Она попыталась сказать это уверенно, но голос дрогнул.

Мне стало стыдно за то, что я думала о своей злости больше, чем о людях, которые работали рядом со мной.

— Прости, — сказала я.

— За что?

— Что тебя втянули.

Нина коротко выдохнула.

— Это нашу программу втянули. Не только меня.

И в этой фразе было все, за что я ценила ее больше, чем думала.

Рената наклонилась к телефону:

— Нина, это Сомова. Отправьте мне адрес, где вы сейчас находитесь, и адрес квартиры. Мы организуем законный способ забрать ноутбук, если это потребует. Никому не открывайте. С неизвестных номеров не отвечайте. Если с вами свяжутся от имени проверки, требуйте официальный вызов через адвоката.

— Поняла.

Я спросила:

— Ты могла активировать старый токен?

— Нет.

— Теоретически?

— Таисия Романовна, я даже не видела токен. Мы получали окно доступа через внешний интерфейс, без технической части. Я могла войти только по своему паролю и только в согласованный список семей. Никакого медицинского блока, никаких служебных кодов операций.

— А кто видел техническую часть?

— Только администраторы «Каскада». Может, медицинский блок. Может, внутренний контур. Но не мы.

— Ты уверена?

— Да. И еще...

Она замолчала.

— Что?

— После того доступа я отправляла запрос на подтверждение закрытия окна. Мне ответили, что доступ аннулирован.

— Кто ответил?

— Вот это я помню. Долгов. Точнее, письмо было от управления внутренней безопасности. Подписано: А. Н. Долгов.

В комнате стало тихо.

Рената перестала писать.

Я посмотрела на дверь, будто Долгов мог стоять за ней и слушать через стену.

— Ты сохранила это письмо? — спросила я.

— В рабочей почте. Если ее не почистили.

— Не почистили, — сказала Рената. — Мы запросим резервную копию через провайдера и по линии трудовой переписки. Нина, ничего не удаляйте, ничего не пересылайте самостоятельно.

— Хорошо.

— И оставайтесь у сестры.

— Я поняла.

Когда звонок закончился, я еще несколько секунд держала трубку, хотя на экране уже погасла линия.

Ровенская забрала устройство.

— Содержание разговора в журнал не вносится, — сказала она.

— Зато мы внесем, — ответила Рената.

Она уже писала. Быстро, почти без пауз. Факты, не эмоции: звонок Нине Корецкой, неизвестные у подъезда, скрытый номер, запрос о домашних копиях, временный доступ три месяца назад, подтверждение закрытия от управления внутренней безопасности, подпись Долгова.

Мне хотелось немедленно подняться и идти к Мирославу.

Не спросить. Не пожаловаться.

Потребовать.

— Где Тарновский? — спросила я у Ровенской.

— На оперативном совещании.

— В каком корпусе?

— Административный сектор, третий этаж.

Я взяла пропуск со стола.

Рената подняла голову.

— Куда?

— На третий этаж.

— Нет.

— Рената.

— Если ты сейчас ворвешься на оперативное совещание, Долгов получит именно то, что ему нужно: эмоциональную жену генерала, которая мешает работе центра.

— Я не собираюсь врываться.

— Ты уже взяла пропуск так, будто собираешься им кого-то ударить.

Я посмотрела на карту в своей руке.

Она была права.

Это бесило.

Я положила пропуск обратно.

— Тогда что?

— Тогда мы оформляем письменный запрос о письме Долгова и параллельно ждем Тарновского.

— Я не хочу ждать Тарновского.

— Я заметила.

Ровенская неожиданно произнесла:

— Генерал-майор просил передать, что вернется через двадцать минут.

Я повернулась к ней.

— Просил передать мне?

— Да.

— Когда?

— Перед совещанием.

— То есть до звонка Нине он уже знал, что я захочу его найти?

Ровенская не ответила, но по ее лицу все было понятно.

Конечно, знал.

Мирослав слишком хорошо помнил мою манеру не ждать, когда меня загоняют в угол. Я раньше считала это близостью. Потом поняла: знание человека можно использовать и как заботу, и как контроль.

Иногда разница видна только тому, кто держит поводок.

Через десять минут в коридоре завывла сирена.

Не громкая, не паническая. Короткий прерывистый сигнал, после которого по внутренней связи женский голос произнес:

— Учебная тревога. Сектор Б-4, тренировочный контур. Персоналу действовать по регламенту. Гостевым группам оставаться на местах до распоряжения сопровождающих.

Я вздрогнула не от громкости. От того, как мгновенно изменился коридор.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то четко отдавал команды. Створки соседнего прохода закрылись с глухим щелчком. На стене у схемы эвакуации загорелась желтая лампа.

Ровенская сразу подошла к двери и выглянула.

— Нам оставаться здесь? — спросила Рената.

— Да.

— Что происходит?

— Плановая учебная тревога.

— Плановая? — я посмотрела на нее. — В день, когда центр проверяют из-за утечки?

— График утвержден заранее.

Это было возможно.

И все равно звучало странно.

Я подошла к окну. Во дворе люди двигались быстрее. У учебного корпуса открылись боковые ворота, оттуда выехал небольшой аварийный автомобиль. Двое курсантов в защитных касках пересекли площадку бегом, но без хаоса.

Все знали, что делать.

Именно это меня задело.

У них была схема даже на тревогу.

У меня схемы не было.

— Сектор Б-4 где? — спросила я.

Ровенская ответила не сразу.

— В тренировочном контуре. Не рядом с нами.

— А медицинский блок?

— При учебной тревоге часть переходов блокируется.

— Каких?

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Таисия Романовна, вам не нужно это знать.

— Если меня запрут в здании, я хочу понимать, где выход.

— Вас не запрут. Вы в безопасном секторе.

Рената закрыла папку.

— Инга... простите, отчество?

— Сергеевна.

— Инга Сергеевна, моя доверительница задала нормальный вопрос. При тревоге гости должны понимать маршрут эвакуации.

Ровенская кивнула на схему у двери.

— Здесь указан маршрут.

Я подошла к схеме.

Административный корпус. Выход А-1. Лестница. Запасной переход. Внутренний двор.

И тонкая серая линия к медицинскому блоку, перечеркнутая знаком ограничения.

Рядом стояла пометка: «Проход МБ — только при сопровождении».

Мой взгляд задержался на ней.

Проход МБ.

— Таисия, — сказала Рената.

— Я просто смотрю.

— Ты смотришь слишком целенаправленно.

Сирена умолкла.

Потом снова включилась связь:

— Гостевой сектор А-2, подготовиться к перемещению в резервную зону. Сопровождающим принять группы.

Ровенская нахмурилась.

— Нас перемещают?

— Судя по объявлению, да, — ответила Рената. — Это нормально?

— Если учебная зона расширена.

Она открыла дверь.

В коридоре уже стоял молодой сотрудник в форме. Лицо напряженное, возраст — не больше двадцати пяти.

— Капитан Ровенская, распоряжение: гостевую группу из А-2 перевести в резервную комнату А-5. Переход через восточную лестницу.

— Кто отдал?

— Дежурный по корпусу.

— Фамилия?

— Майор Хватов.

Ровенская проверила планшет. Видимо, распоряжение появилось и там.

— Идем.

Рената сразу взяла папку.

— Телефоны?

— Остаются при вас в опечатанном чехле, — сказала Ровенская.

Мы вышли в коридор.

Людей стало больше. Не толпа, но движение плотное. Сотрудники расходились по направлениям, двери открывались и закрывались, где-то вдалеке глухо стукнул металлический затвор. Молодой сопровождающий пошел впереди, Ровенская — рядом с нами.

Я старалась смотреть спокойно.

Но внутри все уже считало.

Поворот.

Лестница.

Стеклянный переход слева.

Серая линия на схеме.

Проход МБ.

У восточной лестницы нас остановили двое курсантов, которые несли тяжелый ящик с маркировкой тренировочного оборудования. Проход на несколько секунд оказался перекрыт.

— Осторожно, — сказал один.

Ровенская шагнула вперед, чтобы освободить место. Молодой сопровождающий отвернулся к рации.

Именно в этот момент справа открылась боковая дверь.

За ней был короткий служебный коридор.

На стене — табличка: «Переход МБ. Доступ ограничен».

Я не думала долго.

Наверное, потом Рената сказала бы, что именно в этом была проблема.

Я сделала шаг.

Потом второй.

Дверь за моей спиной начала закрываться.

— Таисия! — резко сказала Рената.

Я уже была в коридоре.

Не бежала. Бежать было бы глупо. Камеры, пропуск, тревога, закрытый объект. Я просто шла быстро, пока дверь не щелкнула за мной.

В коридоре было тише, чем снаружи. Свет холодный. На полу желтая линия, ведущая к следующему шлюзу. В конце — стеклянная дверь с электронным считывателем и надписью: «Медицинский блок. Пост допуска МБ-1».

МБ-1.

Не МБ-3.

Но уже ближе.

Я понимала, что нарушаю правило.

Понимала, что Рената будет в ярости.

Понимала, что Мирослав, узнав, скажет что-нибудь спокойное и невыносимо правильное.

Но впервые за этот день я двигалась сама.

Не туда, куда меня вели.

Не туда, где мне выделили кабинет.

А к месту, откуда началась ложь.

У стеклянной двери я приложила пропуск.

Считыватель мигнул красным.

«Доступ запрещен».

Я приложила еще раз.

Красный.

На стене ожила камера. Маленький черный глаз повернулся почти незаметно, но я уловила движение.

— Ордынцева Таисия Романовна, — произнес динамик над дверью. — Оставайтесь на месте.

Я усмехнулась.

— С удовольствием. Меня все равно не пускают.

— Оставайтесь на месте, — повторил голос.

На этот раз мужской.

Не Мирослав.

Я оглянулась.

Коридор за спиной был пуст. Дверь, через которую я вошла, не открывалась ручкой с этой стороны. Отлично. В закрытом центре я умудрилась оказаться в коротком коридоре между двумя заблокированными дверями.

Очень умно, Таисия.

Я подошла к стене, чтобы не стоять прямо под камерой, и скрестила руки.

Ждать пришлось недолго.

Через полторы минуты замок задней двери щелкнул. В коридор вошел Мирослав.

Один.

Не Ровенская, не охрана, не Долгов.

Только он.

Я ожидала злости. Приказа. Резкого вопроса.

Он остановился в трех шагах от меня и посмотрел сначала на считыватель, потом на мою руку с пропуском.

— Дважды? — спросил он.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ты дважды приложила карту. Первый отказ был недостаточно убедительным?

Вот теперь я разозлилась.

— Ты пришел шутить?

— Нет. Пришел убедиться, что ты не успела сделать третий раз.

— А что было бы на третий?

— Сектор заблокировали бы полностью, и тебя вывели бы под протокол нарушения режима.

Я посмотрела на дверь.

— Значит, спасибо, что спас меня от протокола?

— Нет. Спасибо скажешь Ренате. Она остановила охрану, пока я шел сюда.

Я сжала пальцы.

— Она зла?

— Очень.

— А ты?

— Тоже.

Он сказал это без повышения голоса.

И от этого стало хуже.

— Тогда кричи, — бросила я. — Тебе станет легче.

— Мне не нужно, чтобы стало легче.

— Конечно. Генералам не нужно.

— Таисия.

Я резко повернулась к нему.

— Нет. Ты опять скажешь, что правила написаны не просто так. Что я подвергаю себя риску. Что любой мой шаг используют против меня. Я все это уже слышала.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Раз ты уже слышала, повторять не буду.

Это сбило меня с ритма.

Он сделал шаг ближе, но не настолько, чтобы нависнуть.

— Скажу другое. Здесь не гражданский офис и не коридор суда. В этом здании любая дверь может закрыться не потому, что кто-то хочет тебя унижить, а потому что в соседнем секторе учебная тревога, кислородные баллоны, тренировочный дым, заблокированные переходы или люди, которые несут оборудование и не видят, кто оказался на маршруте. Ты не знаешь схем. Не знаешь сигналов. Не знаешь, какие замки открываются в одну сторону, а какие нет.

Я молчала.

Не потому, что согласилась.

Потому что он говорил не о власти. О фактах.

— Я не ребенок, — сказала я тише.

— Я знаю.

— Тогда перестань говорить со мной так, будто я не понимаю опасность.

— Ты понимаешь свою опасность. Не всегда понимаешь объективную.

— Удобно звучит.

— Точно звучит.

Я посмотрела ему в глаза.

— А ты понимаешь мою?

Он не ответил сразу.

— Да.

— Нет, Мирослав. Ты понимаешь угрозы, схемы, регламенты, камеры, двери, доступы. Но не понимаешь, что для меня каждый твой запрет звучит так же, как все годы в нашем браке. «Не сейчас, Таисия». «Нельзя, Таисия». «Ты не должна знать, Таисия». И каждый раз за этим была твоя уверенность, что ты лучше решишь, сколько правды мне выдержать.

Его лицо изменилось.

Едва.

Но я увидела.

Попала.

— Сейчас не об этом, — сказал он.

— Именно об этом.

— Сейчас о том, что ты чуть не дала Долгову подарок.

— Долгову?

— Твое нарушение уже увидели камеры. Если бы охрана оформила протокол, он оказался бы у него через пять минут.

Я выдохнула через нос.

— Прекрасно. Значит, я опять сама виновата.

— Нет.

— А звучит так.

— Ты не виновата в подставе. Но можешь сделать им проще, если будешь действовать из боли.

Фраза ударила неожиданно сильно.

Наверное, потому что была правдой.

Я отвернулась к стеклянной двери. За ней виднелась часть тамбура, белая стена, еще один считыватель и узкая камера над потолком. Никаких тайн. Никакой драматичной темноты. Просто режимный проход, куда я не могла попасть.

— Там был вход, — сказала я. — Понимаешь? Не в моем офисе. Не дома. Не с моего компьютера. Там.

— Понимаю.

— Тогда почему я должна ждать, пока мне разрешат увидеть место, где меня сделали виноватой?

— Потому что если ты войдешь неправильно, они скажут, что ты вернулась уничтожить следы.

— Даже если ты будешь рядом?

— Особенно если я буду рядом.

Я посмотрела на него.

Он не отвел взгляда.

— Почему?

— Потому что я твой муж.

— Почти бывший.

— Для них это не важно.

— А для тебя?

Вопрос сорвался сам.

Мирослав молчал.

Секунда.

Вторая.

В закрытом коридоре было слышно, как где-то за стеной работает вентиляция. Ровно, холодно, без участия в чужой жизни.

— Для меня важно все, что касается тебя, — сказал он.

Я почти рассмеялась, но не смогла.

Слишком поздняя фраза.

Слишком нужная когда-то.

— Ты не имеешь права говорить так здесь, — произнесла я.

— Знаю.

— И все равно говоришь.

— Потому что ты спросила.

Это было нечестно. Не в смысле лжи. Наоборот. Слишком честно для места, где я хотела держаться за злость как за единственную опору.

Дверь за его спиной открылась.

Рената вошла первой. За ней Ровенская и двое сотрудников охраны. Лицо у Ренаты было таким спокойным, что я сразу поняла: мне конец.

— Жива? — спросила она.

— Да.

— Жаль. Я уже приготовила речь для наследственного дела.

— Рената...

— Молчи, Таисия. Сейчас я твой адвокат, подруга будет бить позже.

Один из охранников кашлянул и отвернулся.

Мирослав посмотрел на Ровенскую.

— Протокол нарушения не составлять. Зафиксировать как сбой маршрутизации гостевой группы при учебной тревоге.

Рената сразу повернулась к нему.

— Нет.

Он поднял бровь.

— Нет?

— Не надо делать вид, что моя доверительница случайно заблудилась. Это легко опровергнуть по камерам. Пишем точнее: самостоятельный выход Ордынцевой из гостевой группы, пресечен до доступа в медицинский блок, ущерба режиму и материалам проверки не причинено. Причина — необходимость уточнить обстоятельства использования ее идентификатора. Сопровождение восстановлено.

Я смотрела на нее почти с любовью.

Мирослав тоже оценил.

— Согласен.

— И добавить, что охрана не применялась, задержание не проводилось, доступ к защищенному сектору не получен.

— Добавьте, — сказал он Ровенской.

Капитан записывала быстро.

Я тихо сказала Ренате:

— Спасибо.

— Не сейчас. Я еще злая.

— Поняла.

Мирослав открыл заднюю дверь своим пропуском.

— Возвращаемся в кабинет.

— В кабинет? — я посмотрела на него. — После этого ты правда думаешь, что я спокойно сяду и буду ждать?

— Нет.

— Тогда?

— Поэтому мы идем не в кабинет.

Рената прищурилась.

— Куда?

— В комнату просмотра технических журналов. Таисия хотела факты по медицинскому блоку. Начнем с тех, которые можно получить без входа в него.

Ровенская явно не ожидала этого.

— Товарищ генерал-майор, для просмотра технических журналов перехода МБ нужно согласование...

— Уже согласовано мной.

— Но Долгов...

— Не руководит технической безопасностью переходов. Он курирует внутренние проверки. Не путайте контуры.

В его голосе появилась сталь.

И я впервые за день почувствовала не раздражение от его власти, а холодное удовлетворение от того, что эта власть направлена не против меня.

Опасное чувство.

Рената заметила мой взгляд и тихо сказала:

— Не влюбляйся обратно из-за одной административной победы.

— Я и не собиралась.

— Ложь оставь для тех, кто хуже тебя знает.

Мы пошли не обратно к кабинету, а по другому коридору. Мирослав шел рядом со мной. Не впереди, не позади. Ровенская с охраной держались на расстоянии, Рената — с другой стороны.

— Ты правда не оформишь нарушение жестче? — спросила я тихо.

— Правда.

— Почему?

— Потому что Сомова права. Камеры покажут, что ты вышла сама. Если написать случайность, это станет ложью. Если написать нарушение без ущерба, это факт.

— А если Долгов скажет, что ты меня прикрыл?

— Скажет.

— И?

— Я отвечу.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это моя работа.

— А моя жизнь?

Он посмотрел на меня.

— Сейчас это тоже моя работа.

— Плохая фраза.

— Знаю.

— Тогда зачем сказал?

— Потому что красивая была бы хуже.

Я не нашла, что ответить.

Это было почти то, о чем я сама просила: не украшать, не смягчать, не подменять смысл удобной фразой.

Правда редко звучит приятно.

Комната просмотра находилась на первом этаже, за двумя дверями без табличек. Внутри было темно от выключенного верхнего света. Работали только мониторы. За пультом сидели двое сотрудников технической службы. Один — пожилой, с густыми бровями, второй — молодой, с усталым лицом человека, которого подняли в неподходящий момент.

— Полковник Вяземцев на линии, — сказал пожилой, вставая. — Разрешение подтверждено.

Мирослав кивнул.

— Журналы перехода МБ за сегодняшнюю ночь. Временной промежуток: два часа — два тридцать. Камеры, замки, заявки на отключение, сервисные окна.

Сотрудник сел обратно и начал вводить команды.

Рената сразу спросила:

— Мы можем делать записи?

— Письменные — да, — ответил Мирослав. — Копии по запросу.

— Я уже почти привыкла к этой фразе. Это плохо.

Он не ответил.

На большом экране появилась схема переходов. Я узнала тот самый коридор, где только что стояла. МБ-1. Потом тамбур. Дальше разветвление. Посты МБ-2 и МБ-3 находились глубже, уже внутри медицинского корпуса.

— Покажите МБ-3, — сказала я.

Молодой техник повернулся к Мирославу.

— Выполняйте, — сказал тот.

Схема увеличилась. Третий пост находился не у входа, а в боковой части блока, рядом с помещением хранения закрытых медкарт и терминальной комнатой.

— Кто может туда попасть? — спросила Рената.

Пожилый техник ответил:

— Медицинский персонал с уровнем допуска М-2 и выше, администраторы медицинского контура, дежурный по безопасности, начальник блока, ряд технических специалистов по заявкам.

— Долгов?

Техник замялся.

Мирослав ответил сам:

— У Долгова есть доступ как у куратора внутренней безопасности. Но каждый вход должен фиксироваться.

— Должен, — повторила Рената. — Люблю это слово в таких делах.

Я смотрела на схему.

— Покажите ночь.

На экране появились строки.

2:05 — штатный режим.

2:08 — сервисная заявка.

2:11 — перевод камер перехода МБ-2/МБ-3 в режим технической диагностики.

2:13 — отключение видеопотока.

2:17 — восстановление временного токена Ордынцевой Т. Р.

2:21 — пакетный запрос.

2:22 — завершение сеанса.

2:23 — восстановление видеопотока.

Я медленно наклонилась к экрану.

— Девять минут.

Никто не ответил.

Я считала еще раз.

С 2:13 до 2:23.

Десять, если по минутам. Но активное окно без видеопотока перекрывало нужное действие полностью.

— Кто подал заявку? — спросила Рената.

Молодой техник открыл карточку.

На экране появилось окно с реквизитами.

Заявка: техническая диагностика видеопотока МБ-2/МБ-3.

Основание: плановая проверка качества сигнала.

Инициатор: Управление внутренней безопасности.

Ответственное лицо: Долгов Аверьян Никитич.

Время подачи: 01:54.

Я прочитала имя один раз.

Потом второй.

В комнате стало тихо так, что звук вентиляции показался громким.

Рената первая взяла себя в руки.

— Зафиксируйте отображение карточки в протоколе просмотра.

Пожилой техник начал печатать.

Мирослав стоял неподвижно.

Я посмотрела на него.

На лице не было торжества. Только холодная, очень собранная ярость. Такая у него появлялась редко. Не в наших ссорах. В ссорах он закрывался. А это было другое: он увидел врага на карте.

— Теперь ты веришь? — спросила я.

Он повернул голову.

— Я поверил раньше.

— Но теперь знаешь.

— Теперь у нас есть первый документальный узел.

— Узел, — повторила я. — У вас тут даже подстава звучит как рабочий термин.

— Если назвать ее болью, ее будет сложнее распутать.

— А если только узлом, можно забыть, что в нем люди.

Мирослав посмотрел на меня долго.

— Поэтому ты здесь.

Эта фраза прозвучала тихо.

Не как комплимент.

Как признание того, что его мир без людей слишком легко превращался в схемы, журналы и правильно оформленные запреты.

Я отвернулась первой, потому что не хотела сейчас видеть в нем человека, который может понимать.

Рената подошла ко мне с листом.

— Смотри. Нам нужно подписать, что мы видели эту карточку. Без оценки, только факт.

Я прочитала протокол.

Время. Камеры. Заявка. Инициатор. Ответственное лицо.

Долгов Аверьян Никитич.

— Подписываю, — сказала я.

Ручка легла в пальцы уверенно.

Когда я выводила свое имя, дверь в комнату просмотра открылась.

На пороге стоял Долгов.

Без спешки. Без удивления. Будто пришел ровно туда, где ожидал нас найти.

Он посмотрел на экран, потом на Мирослава.

— Я вижу, вы решили начать с технических журналов.

Мирослав ответил спокойно:

— Мы решили начать с фактов.

Долгов перевел взгляд на меня.

— И как вам первые факты, Таисия Романовна?

Я положила ручку на стол.

— Интереснее ваших предупреждений.

Он слегка улыбнулся.

— Тогда советую читать их внимательно. Иногда имя в заявке не означает вины.

— Конечно, — сказала я. — Так же, как мое имя в утечке.

Улыбка исчезла не сразу.

Но исчезла.

И вот это впервые за день было похоже на маленькую победу.

ГЛАВА 4. Женщина, из-за которой я ушла

Долгов ушел не сразу.

Он задержался у двери комнаты просмотра, будто хотел убедиться, что его имя на экране увидели все именно в том виде, в каком оно там стояло. Без паники. Без лишних эмоций. Слишком спокойно для человека, чья заявка закрывала камеры ровно в тот момент, когда кто-то использовал мой идентификатор.

— Я попрошу копию протокола, — сказал он.

Рената подняла голову.

— На каком основании?

— Как куратор внутренней безопасности.

— Протокол касается моей доверительницы.

— И объекта, на территории которого она находится.

— Тогда направьте письменный запрос, — произнесла Рената. — Мы не против процедуры. Мы против устных желаний.

Долгов посмотрел на нее с тем вежливым интересом, с каким обычно рассматривают сложный, но решаемый вопрос.

— Вы принципиальны.

— Я оплачиваю этим ипотеку.

Молодой техник за пультом поперхнулся воздухом и быстро отвернулся к монитору.

Мирослав даже не изменился в лице. Только коротко сказал:

— Копия протокола будет в общем реестре после регистрации.

— Разумеется, — ответил Долгов. — Я не сомневаюсь, что вы сделаете все правильно.

Мне не понравилось, как он это сказал.

Не как похвалу. Как напоминание: любое «правильно» можно потом повернуть против человека, который его подписал.

Мирослав стоял между ним и экраном. Не специально, но так вышло: закрывал собой строки, где имя Долгова уже отпечаталось в протоколе. Высокий, неподвижный, собранный.

Я раньше часто видела его таким на служебных встречах.

Тогда мне казалось, что рядом с таким мужчиной невозможно бояться.

Теперь я знала: можно.

Просто страх будет другим.

Не за себя рядом с ним, а за себя без его правды.

— Эльмира Станиславовна просила передать, что медицинский блок готов предоставить пояснения после завершения внутреннего обхода, — сказал Долгов.

Мирослав посмотрел на него внимательнее.

— Она просила вас передать?

— Да.

— Странно. У Гаевой есть мой прямой номер.

— Возможно, она не хотела отвлекать вас в момент работы с гостевой группой.

— С каких пор вы говорите от имени начальника медицинского блока?

Долгов выдержал паузу.

— С тех пор, как ситуация затрагивает внутреннюю безопасность.

— Ситуация затрагивает утечку данных, подставу гражданского лица и несанкционированную работу с медицинским контуром. Не расширяйте свои полномочия раньше времени.

Голос Мирослава оставался ровным, но в комнате стало холоднее.

Долгов не спорил. Именно это и было неприятно. Он не защищался, не оправдывался, не повышал голос. Он просто фиксировал каждое слово, как человек, который потом вернется к нему в нужный момент.

— Я учту, — сказал он.

Потом повернулся ко мне.

— Таисия Романовна, надеюсь, сегодняшние впечатления не помешают вам соблюдать режим объекта.

— Если режим объекта перестанет выглядеть как удобная ширма, мне будет проще.

— Острые формулировки редко помогают.

— Зато хорошо показывают, кто от них морщится.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Вы не похожи на человека, который боится.

— Это не ваша заслуга.

Мирослав сказал:

— Достаточно.

Я медленно перевела на него взгляд.

— Я не курсант, чтобы ты обрывал мой ответ.

— Нет. Ты человек, которого сейчас пытаются спровоцировать на лишние слова.

— А ты человек, который опять решил, какие слова для меня лишние.

Он не ответил сразу.

Долгов наблюдал за нами спокойно, почти с удовольствием. И вот тогда я поняла: мы с Мирославом делаем именно то, что ему нужно. Не скандал громкий, не ссору на весь сектор. Достаточно короткой трещины, которую потом можно показать как доказательство: жена генерала эмоциональна, генерал пристрастен, проверка под давлением личного конфликта.

Я замолчала первой.

Не потому что Мирослав прав.

Потому что Долгов не должен был получить от меня подарок.

Рената закрыла папку с протоколом.

— Мы закончили здесь?

— На данном этапе да, — ответил Мирослав.

— Тогда нам нужен кабинет, копия протокола после регистрации и письменный запрос в медицинский блок.

— Будет.

Долгов открыл дверь.

— Удачного дня.

Я посмотрела ему вслед.

— Он правда думает, что звучит прилично?

— Он знает, что звучит прилично, — сказала Рената. — Это хуже.

Мирослав подошел к столу и забрал второй экземпляр протокола у техника.

— Ровенская проводит вас в кабинет. Я подойду через пятнадцать минут.

— На этот раз правда через пятнадцать? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Да.

— А если нет?

— Тогда Сомова внесет это в список моих недостатков.

Рената сухо сказала:

— У меня уже есть черновик.

На этот раз я не сдержалась и коротко улыбнулась.

Мирослав увидел.

И в этот момент стало опасно.

Не снаружи, не из-за камер, не из-за Долгова. Опасность оказалась во мне самой: в том, что я на секунду вспомнила, как легко когда-то улыбалась ему на кухне, в машине, в прихожей, пока он снимал форму после долгого дня. Улыбалась не генералу. Мужчине.

Я сразу отвернулась.

Нельзя было идти туда.

Не сейчас.

Не после суда.

Не после всех ночей, где он выбирал молчание.

Мы вышли в коридор. Ровенская шла впереди, Рената рядом со мной, Мирослав чуть позади. Мне казалось, что я чувствую его шаги даже через общий шум центра.

После учебной тревоги «Каскад» возвращался к обычному режиму. Двери снова открывались по пропускам, сотрудники расходились по кабинетам, на стенах сменился желтый сигнал на зеленый. Но напряжение осталось. Оно держалось в людях, которые смотрели на меня и быстро отводили глаза.

Я знала, что они уже все слышали.

Не подробности. Подробности здесь прятали за допусками.

Но главное дошло: жена генерала пришла в центр, ее имя в утечке, Долгов в заявке, медицинский блок под вопросом.

В закрытых системах новости не расходятся громко.

Они просачиваются.

У поворота к административному корпусу Ровенская остановилась, чтобы приложить карту к считывателю. В этот момент из бокового перехода вышли двое.

Мужчина в форме сопровождения.

И женщина.

Я узнала ее не сразу разумом.

Сначала телом.

Пальцы сами сжались на ремне сумки, хотя сумка осталась в камере хранения. Пустое движение. Старый рефлекс.

Женщина была в темном закрытом пальто, без формы. Высокая, стройная, с прямой спиной и собранными на затылке темно-русыми волосами. Лицо бледное, резкие скулы, внимательные глаза. Не красавица в привычном смысле. Хуже. В ней была та сдержанная, взрослая уверенность, из-за которой рядом с ней любая истерика выглядела бы жалко.

Веста Милорадова.

Я не знала ее имени в ту ночь, когда увидела впервые.

Тогда был дождь. Почти полночь. Я приехала к ведомственному дому, потому что Мирослав не отвечал на звонки, а один из его водителей по ошибке сказал мне, что генерал «на объекте размещения». Я сама нашла адрес. Сама вышла из такси. Сама увидела, как Мирослав открыл заднюю дверь служебной машины, помог этой женщине сесть и накрыл ее своим плащом.

Она тогда была в чужой рубашке, с мокрыми волосами и кровью на рукаве.

Я запомнила не кровь.

Я запомнила его руку у нее на плече.

На следующий день я нашла в машине сережку.

Тонкое серебряное кольцо с темным камнем.

Я положила ее перед Мирославом на стол и спросила:

— Это чье?

Он посмотрел на сережку.

Потом на меня.

И сказал:

— Не сейчас.

Не «это не то, что ты думаешь».

Не «я объясню».

Не «Таисия, посмотри на меня».

Просто «не сейчас».

С тех пор в нашем браке многое стало не сейчас.

В коридоре «Каскада» Веста остановилась.

Она тоже узнала меня.

Я поняла это по тому, как на секунду изменилось ее лицо. Не страх. Не вина в обычном смысле. Скорее болезненное узнавание человека, чье имя долго нельзя было произносить вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.